

С. П. ТОЛСТОВ

ГОРОДА ГУЗОВ

(Историко-этнографические этюды)

«Города гузов многочисленны, они тянутся друг за другом на север и восток»

ал-Идриси

1. Текст ал-Идриси

Ал-Идриси (1099—1165)¹ в своем, до сих пор не привлечшем достаточного внимания описании страны гузов, представляющем значительную трудность с историко-географической точки зрения, но достаточно ясно говорящем об области между Аральским морем на западе, областью Шаша (Ташкента) на востоке и Мугоджарскими горами («горы Мургар») на северо-западе, пишет о большом числе городов у гузов:

«Города гузов многочисленны, они тянутся друг за другом на север и восток. У них неприступные горы, и у них там укрепленные крепости, в которых укрываются их князья и в которых они хранят свои запасы продовольствия. Там есть люди (назначенные князьями), которые охраняют эту землю... главный город их (гузского племени Хандага(т)) называется Хиам. Там они находят убежище и там укрываются со своими пожитками... это — неприступная крепость на вершине горы с трудным подъемом и она крайне неприступна и укреплена... Город Хиам на севере и Джаджан на юг от реки, оба они маленькие города, в высшей степени укрепленные, оба они одинаковы... На берегу этой реки (Магра или Марга) находится гора с высокой вершиной, из нее вытекает больше тысячи источников, которые все впадают в р. Магра. На вершине ее два города вроде крепостей, название одного из них Нуджах, другого Бадагах, между ними день пути... У подножия упомянутых гор лежат два города, название одного из них Даранда, другого — Дарку. Даранда на запад к Дарку, между ними расстояние 3 дней (пути). Это 2 маленьких города, в них есть рынки, ремесла и превосходные товары, оба они в высшей степени укреплены и неприступны. Снег у них всегда, жители этих стран собирают свои посевы незрелыми и сушат их в дыму и под навесом; это из-за сильного холода у них, постоянных дождей и редкости сухих дней...».

Далее следует упоминание города Горгуз (большая крепость на горе, на берегу одноименного озера), Джаджан и «Дахлан, город, подобный крепости...», предводитель которого, «обладающий снаряжением и многочисленным войском, время от времени он делает набег на землю Тараз...».

Еще ниже упомянуты города Рузан или Рудан, Гарбиан и «старый город гузов». Несмотря на упомянутую трудность локализации описываемых рек и городов внутри очерченной выше области, бесспорно одно:

¹ МИТТ, стр. 220—222 (список сокращений см. в конце журнала).

в XI в. многочисленные укрепленные города, население которых (по крайней мере некоторых из них) занималось земледелием, ремеслами и торговлей.

Сведения ал-Идриси подкрепляются рядом исторических свидетельств. Так, Махмуд Кашгарский, автор, наиболее осведомленный в отношении внутреннего быта тюркских племен, рассказывает о том, что огузы называли Сыр-дарью просто «рекой» (угуз), без дальнейшего определения, так как на этой реке были их города². «Городами огузов» Махмуд Кашгарский называет, в частности, Сауран³, Сыгнак⁴, Ситкун (Сюткенд)⁵, Карнак⁶.

На карте Махмуда Кашгарского область «городов гузов» показана на юг от «гор Карачук» — современные Каратау, замыкающие с СВ бассейн Средней Сыр-дарьи. Махмуд Кашгарский дает нам сведения и о том, из кого состояло население «гузских городов»: «Вид гузов, который живет в их городах, не переезжает в другие места и не воюет, называется ятук»⁷. В этом тексте мы впервые встречаемся с прототипом хорошо известного впоследствии казахского термина «джатак» — не кочующий бедняк, от гл. «джат-» (общетюркск. «ят») — лежать, находиться, жить, пребывать.

Ряд источников свидетельствует о том, что расположенный в низовьях Сыр-дарьи город Янгикент был в X—XI вв. резиденцией «царя гузов»⁸.

Мы должны оговориться, что существуют свидетельства прямо противоположного характера, подчеркивающие отсутствие городов у гузов. Так, Аноним Туманского (Худуд ал Алем) говорит: «Гузы не имеют ни одного города, но народ, имеющий войлочные юрты, весьма многочисленен»⁹. Впрочем, несколькими страницами ниже мы узнаем у того же автора, что Сюткенд — «местопребывание мирных тюрков, из их племен многие перешли в мусульманство»¹⁰, что «Сабран — город очень богатый, место гузских купцов»¹¹, и что, наконец, «князь гузов зимой находится в Дех-и-Нау»¹².

Как живущих в юртах кочевников рисует нам гузов и Ибн-Фадлан, встретивший их близ Северного Чинка Устюрта¹³.

В. В. Бартольд, пытаясь примирить эти противоречивые свидетельства, писал о Янгикенте и других городах Нижней Сыр-дарьи: «Эти города были основаны культурными пришельцами, и существование их не свидетельствует о распространении городской жизни среди самих огузов»¹⁴. Однако несколькими строками далее он вынужден, на основании приведенных выше свидетельств Махмуда Кашгарского, прийти к выводу, что «часть огузского народа перешла к городской жизни»¹⁵.

Решить вопрос о достоверности свидетельств ал-Идриси, Махмуда

² МК, I, стр. 58; ср. также Бартольд, Туркмения, I, стр. 16.

³ МК, I, стр. 364; Бартольд, там же. Ныне большие развалины того же имени.

⁴ МК, I, стр. 392; Бартольд, Цит. соч., стр. 15. Ныне развалины Сунак-Курган.

⁵ МК, I, стр. 369; идентификацию см. МИТТ, I, стр. 311, прим. 2.

⁶ МК, I, стр. 393; редакция МИТТ (I, стр. 311, прим. 5) отождествляет этот город с селением Карнак, в 25 км к СВ от г. Туркестана.

⁷ МК, III, стр. 11.

⁸ Ибн-Хукаль, ВГА, II, стр. 393; ХА, стр. 26а.

⁹ ХА, стр. 186; МИТТ, I, стр. 211; Hudud al Alam, transl. by V. Minorsky, London, 1937, p. 100.

¹⁰ ХА, стр. 246; МИТТ, стр. 216.

¹¹ Там же.

¹² ХА, стр. 26а; МИТТ, стр. 217.

¹³ Путешествие ибн-Фадлана на Волгу, под ред. И. Ю. Крачковского, стр. 60.

¹⁴ В. В. Бартольд, Цит. соч., стр. 15.

¹⁵ Там же, стр. 16.

Кашгарского и других авторов, говорящих нам о «городах гузов», с одной стороны, и об условиях возникновения исторически засвидетельствованных нижнесырдарьинских городов — с другой, могли только археологические исследования.

Археологическое изучение этого района началось с первых лет продвижения русских войск в бассейн Сыр-дарьи.

В 1867 г. П. Лерх¹⁶ подверг обследованию городище Джанкент близ устья Сыр-дарьи — ставку огузского ябгу X—XI вв. город Янгикент¹⁷ (тюркск.-иранск. «Новый город», персидск. Дех-и-Нау, арабск. ал-Карьят-ал-Хадиса), как и некоторые другие городища (Сыгнак, Сауран), до ныне сохранивший свое раннесредневековое название и поэтому без труда локализуемый. Небольшие раскопки П. Лерха (преимущественно лучше сохранившихся развалин вне города) позволили ему, однако, выделить лишь позднесредневековый материал (XIV—XV вв.). Это и не удивительно, так как состояние археологической науки того времени не давало никакой возможности стратиграфически расчлнить находки и выявить более ранние пласты города. После работ Лерха городище неоднократно посещалось, но ни разу не подвергалось исследованию специалистами.

Другие, довольно многочисленные городища, расположенные по нижнему течению Сыр-дарьи — Куван-дарье и Жаны-дарье, т. е. по районам, хотя и посещались и описывались участниками Туркестанского кружка любителей археологии В. Каллауром¹⁸, Е. Смирновым¹⁹ и др., однако их описания настолько суммарны, что не дают почти никакого представления о памятниках.

Все это обуславливало настоятельную необходимость постановки археологической разведки в этих районах.

II. Городища Янгикентской группы

Осенью 1946 г. лётная группа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции²⁰ провела обследование памятников староречий Жаны-дарья и Куван-дарья. С посадочной площадки базы экспедиции, созданной близ развалин Джан-кала (средневековый Дженд)²¹, куда на автомашинах было заброшено горючее и продовольствие, группа участников экспедиции в составе начальника С. П. Толстова, научных сотрудников М. А. Орлова и В. И. Пентмана, на которых была возложена и аэросъемка памятников, и пилотов И. И. Яловкина и Н. Д. Губарева, на двух самолетах типа ПО-2, после обследования междуречья Жаны-дарьи и Куван-дарьи и интереснейшего комплекса раннеантичных памятников Джеты-Асар²², вылетела 10 октября по маршруту Джусалы — Казалинск — городища Янгикентской группы. После ночевки в Джусалы, 11 октября группа, пройдя без посадки Казалинск, вышла на городище Джанкент и сделала посадку в его окрестностях. После обследо-

¹⁶ П. Лерх, Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г., СПб., 1870.

¹⁷ О локализации раннесредневекового Янгикента см., кроме цит. соч. П. Лерха. Бартольд, Туркестан, II, стр. 179—180; его же, История орошения Туркестана, стр. 149—150 и др.; МИТТ, I, 151, прим. 9.

¹⁸ В. Каллаур, Древние города и селения в Перовском у., в долине рр. Сыр-Дарьи и Яны-Дарьи, ПТКЛ, прил. к прот. 17 XII 1903 г. № 5.

¹⁹ Е. Смирнов, Древности на среднем и нижнем течении р. Сыр-Дарьи. ПТКЛ, прил. к прот. от 17/II 1897 г., стр. 1—14.

²⁰ Краткий отчет о работах Хорезмской экспедиции 1946 г. см. ИОИФ, 1947, № 2; там же см. карту памятников.

²¹ Обоснование локализации этого города см. в нашей статье, намеченной к опубликованию в ВДИ.

²² Предварительное описание комплекса Джеты-Асар публикуется нами в СА, XI.

завтра в аэроземле этого городища, вечером того же дня наши самолеты вернулись на городище Куюк-Кескен-кала, где сделали вторую посадку. Поскольку оставшиеся до заката часы обследованию этого памятника в деревнечевав, 12 октября, после завершения обследования и аэроземле Куюк-Кескена, мы вылетели на Куюк-кала, находящуюся на южной оконечности примыкающего к Казалинску с юга низменного полуострова, где также сделали посадку. Завершив работу здесь, мы в тот же день через Джусалы вернулись в район Джеты-Асар, где продолжали начатые работы.

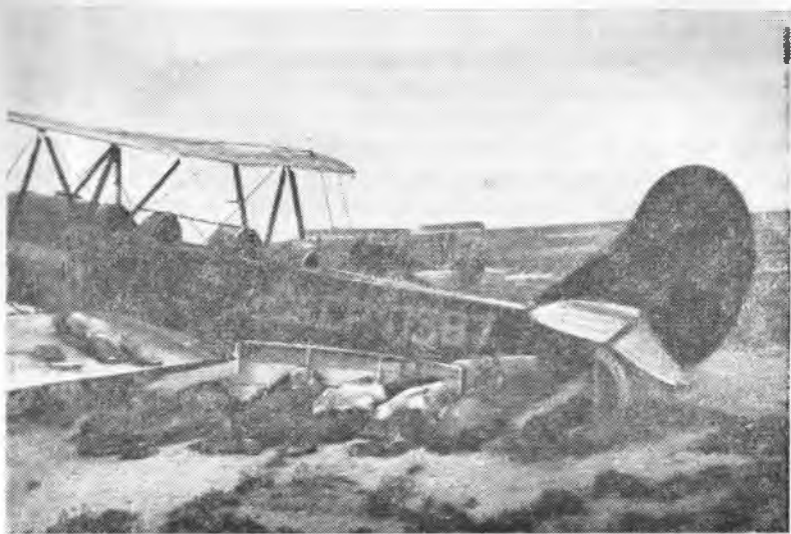

Рис. 1. Экспедиция на ночлеге близ-Куюк-Кескен-кала

Работа носила, таким образом, весьма рекогносцировочный характер. Однако собранный материал позволяет уже притти к ряду достаточно определенных историко-культурных заключений.

Все три городища расположены в сходных условиях. Они лежат на плоской, низменной, влажной и сильно засоленной равнине треугольного полуострова или, точнее, острова, ограниченного на севере Сырдарьей, на западе — Аральским морем и на востоке — полосой болот и камышевых плавней, в которую впадает староречье Куван-даря. Остров в разных направлениях пересечен хорошо выраженными и большей частью заросшими кустарником сухими руслами старых дельтовых протоков, разбивающих его на множество более мелких островов. Расположение всех трех городищ непосредственно на берегах этих старых протоков дает уверенность в том, что во время жизни этих поселений протоки были действующими и что, следовательно, поселения находились в условиях крайне болотистого дельтового ландшафта, на небольших островах дельты, у побережий ее рукавов и неподалеку от берега моря.

Городище Джанкент, расположенное в сильно заболоченной и заросшей камышом местности, имеет подпрямоугольную форму, вытянуто с востока на запад (ориентировка восточной стены 15°), с значительным расширением (уступами в обе стороны) в восточной половине. Размеры 375×225 (в восточной части 300) м. С запада на восток, примерно по медиане, городище разделено главной улицей, идущей параллельно стенам, от которой под прямым углом отходят переулочки, деля-

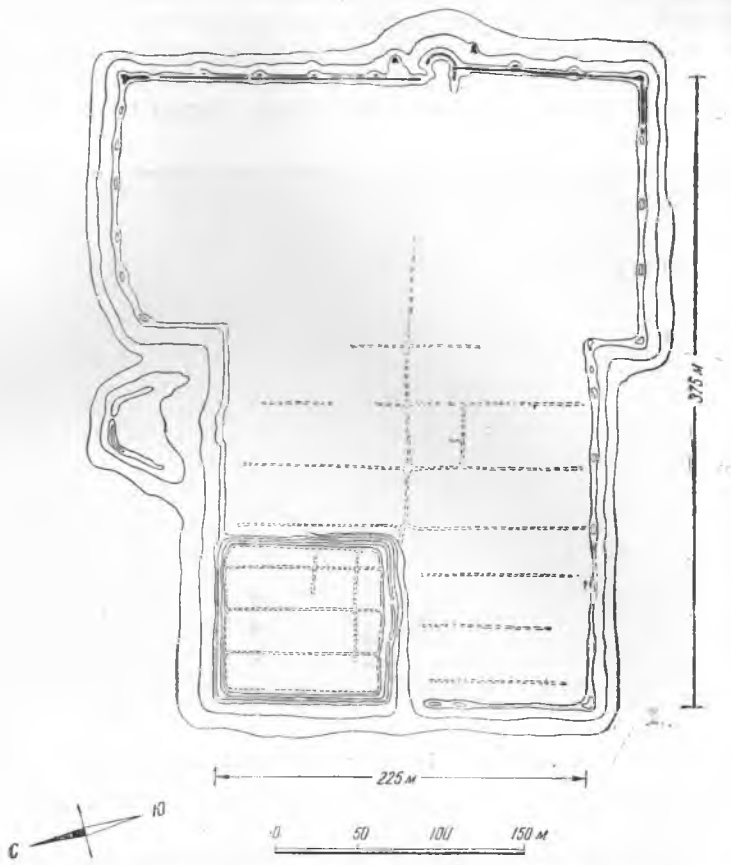

Рис. 2. Городище Джанкент (Янгикент). План

Рис. 3. Городище Джанкент. Перспективнагя авнасьемка. Вид с севера'

шие площади городища на большие дома-квартилы. В северо-западном углу находится квадратный бугор цитадели размером около 100×100 м, поднимающейся на 7—8 м над окружающей местностью, на 3—4 м над средним уровнем площади городища и также застроенной большими домами-массивами. Внешние стены городища, кроме восточной, превра-

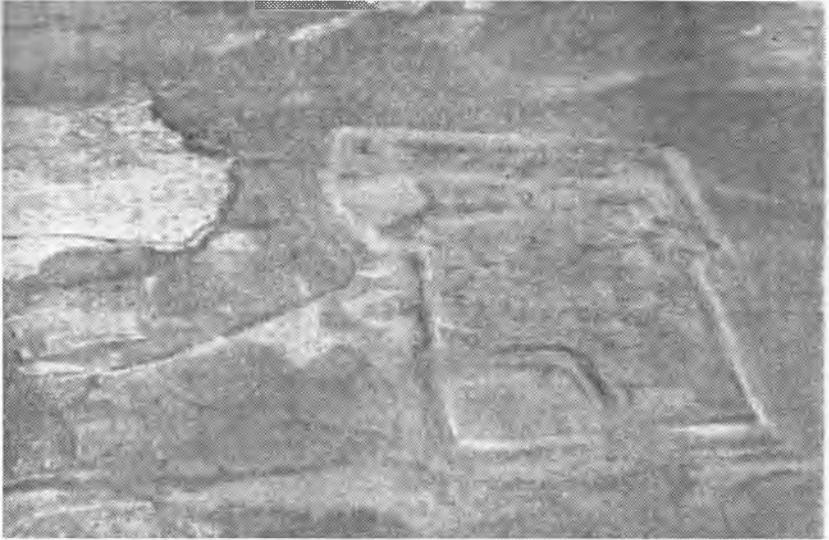

Рис. 4. Городище Джанкент. Перспективная авиасъемка. Вид с запада

Рис. 5. Городище Джанкент. Внутренняя планировка

тились в вал до 8 м высоты над окружающей местностью, вдоль которого местами видны расширения — следы некогда бывших башен — на неравных дистанциях (25—40 м). Восточная стена городища сохранилась относительно хорошо. В основании ее прослеживается сырцово-кирпичный кладка (кирпич $40 \times 40 \times 9$ см), над которой идет сохра-

нившаяся на высоту около 3 метров пахсовая (глинобитная) кладка рядами высотой 1,35 см, между которыми лежат прослойки камыша. Пахса — из культурного слоя, содержит многочисленные угольки и остатки керамики, среди которой попадает много фрагментов античной краснолощеной керамики хорезмийских типов. Стена укреплена округленными

Рис. 6. Городище Джанкент. Сохранившиеся укрепления восточной стены

Рис. 7. Городище Джанкент. Часть восточной стены

башнями, расположенными на расстоянии около 30 м между осями. Ширина башен — около 3 м, выступание 3,5—4 м.

Примерно посередине восточной стены — недалеко сохранившееся предвратное сооружение в виде полукруглого выступа стены около 15 м длиной (с юга на север), с воротами, перпендикулярными стене, на северном конце. Выступ фланкирован двумя выносными башнями. Как и в средневековых крепостях Хорезма, предвратное сооружение рассчитано

на то, чтобы враги штурмовали ворота, повернувшись правым, не прикрытым щитом, боком к городской стене, и попадали под дополнительный обстрел с фронта — с предвратного выступа и слева с фланкирующей подход к воротам выносной башни.

Куэжк-Кескен-кала, самое крупное из обследованных городищ, расположено на южном берегу ныне сухого, густо заросшего кустарником протока древней дельты. Это — обширное городище неправильной округленной очертаний, размером 560×700 м, вытянутое с во-

Рис. 8. Городище Куэжк-Кескен-кала. План

стока на запад. Площадь городища, окруженная сильно обмытым, незначительно выступающим над поверхностью внутренней части городища валом, являющимся результатом размыва стен из сырцового кирпича, поднимается над окружающей местностью на высоту около 2 м. В северо-восточном углу расположен бугор квадратной формы 210×210 м, поднимающийся на 3 м над общим уровнем городища (на 5 м над окружающей местностью). Цитадель сплошь застроена хорошо прослеживаемыми в плане помещениями. Стены помещений сложены из квадратного сырцового кирпича довольно различного размера от 28×28 до 40×40 см, преобладающий размер 33×33 и 35×35 см (т. е.

близкий к хорезмскому стандарту афригидского периода)²³. Те же размеры кирпича прослеживаются в обвалованных стенах и в многочисленных постройках на площади самого городища, планировка кото-

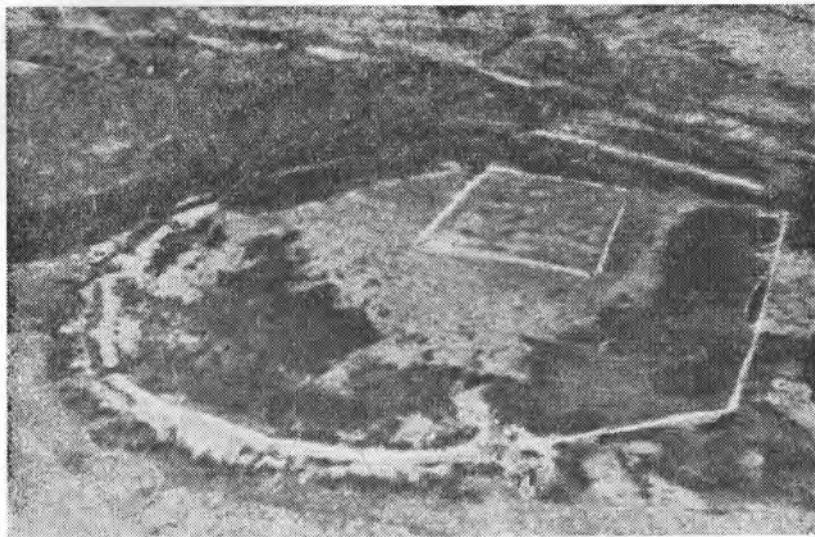

Рис. 9. Городище Куюк-Кескен-кала. Перспективная авиасъемка. Вид с юго-востока

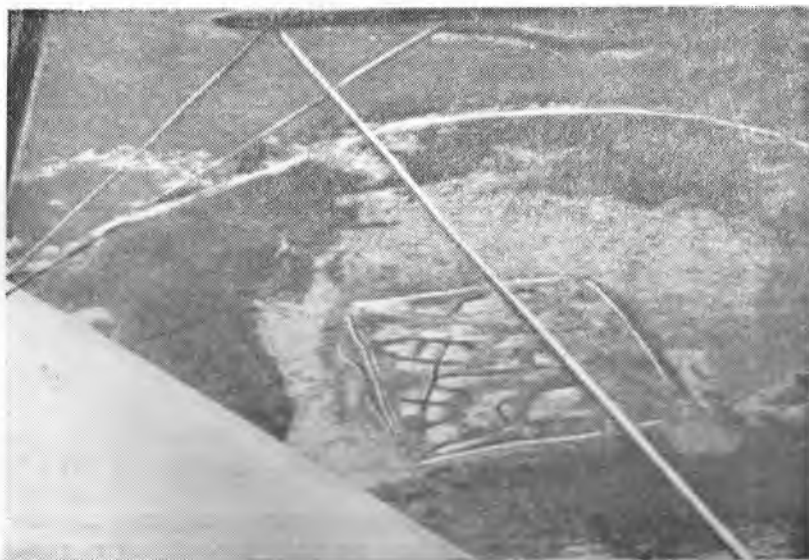

Рис. 10. Городище Куюк-Кескен-кала. Перспективная авиасъемка. Вид цитадели

рых, местами отчетливо выступающая, в целом прослеживается плохо.

Квадратная цитадель имеет крайне своеобразную, поражающую своей нерегулярностью планировку. По периферии квадрата идет опоя-

²³ Ввиду сильной разрушенности верхних слоев кладки толщину кирпичей без раскопок определить не удалось.

связанная коридор шириной около 1,5 м. Квадрат внутри разделен идущей наискось (ближе к восточному краю, см. план) улицей шириной около 3 м. От нее в разных направлениях и под разными углами отходят кривые переулки, делящие всю площадь цитадели на неправильной формы и разного размера комнаты, сохранившиеся лишь в плане здания. в свою очередь разбитые стенками обычно в 2 кирпича (плашмя) на квадратные; размер их колеблется между 4×4 и 23×23 м. На поверхность внутри помещений как на городище, так и в цитадели вы-

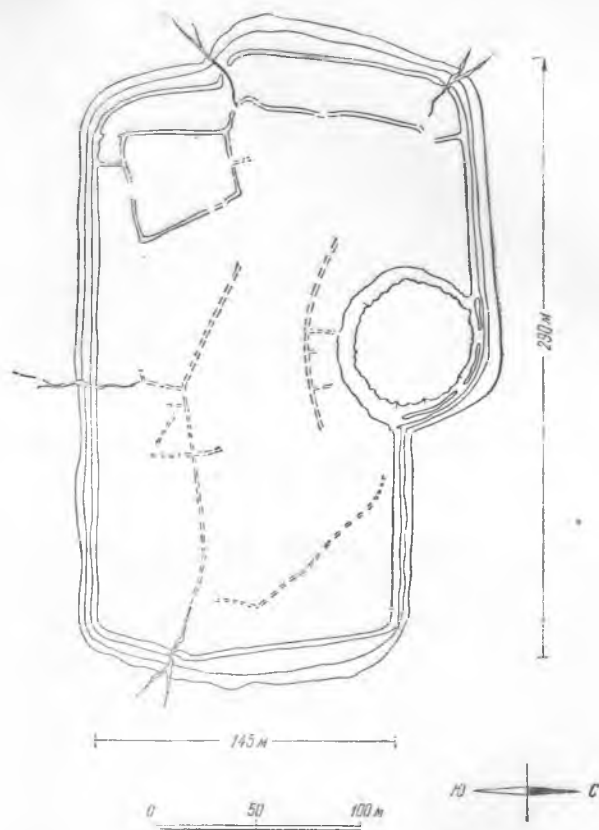

Рис. 11. Городище Б. Куюк-кала. План

ходит золистый культурный слой, изобилующий разнообразной керамикой, фрагментами медных изделий и костями животных плохой сохранности — главным образом мелкого рогатого скота, но попадаются кости и черепа лошадей и верблюдов. Исключительное обилие костей животных резко отличает эти городища как от древних, так и от средневековых городищ Хорезма.

Городище Большая Куюк-кала расположено внутри южного мыса описанного выше полуострова, в 3—4 км к северу от оконечности мыса. Оно лежит примерно в 700 м от значительного старого русла бывшего дельтового протока, идущего с севера на юг, от которого отходит меньших размеров проток, идущий почти прямо на восток, на южном берегу которого и расположена Б. Куюк-кала. На противоположном (западном) берегу упомянутого главного протока расположен подквадратный плоский бугор значительно меньших размеров, чем Б. Куюк-кала, но, видимо, представляющий в миниатюре сооружение

того же типа, что и последняя, известный под названием Малой Куюк-калы.

Б. Куюк-кала — большое городище подпрямоугольной формы, со скругленными углами и уступом, расширяющееся в западной половине, размером 145×290 м, вытянутое с запада на восток. В середине северной стены находится округлый оплывший бугор цитадели около 50×50 м. Городище окружено неглубоким рвом, около 10 м шириной, и невысокой обвалованной сырцово-кирпичной стеной около 5 м толщиной у осно-

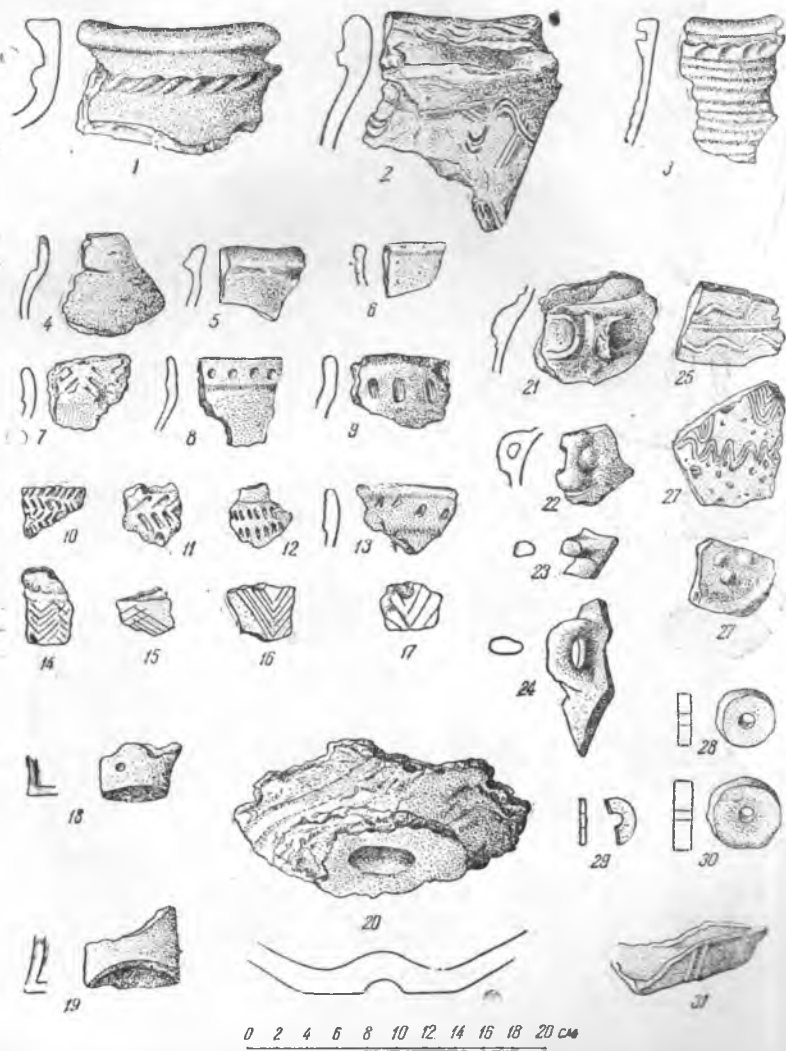

Рис. 12. Городище Куюк-Кескен-кала. Керамика.

вания. Площадь городища поднимается на 4—5 м над окружающей плоской равниной, площадь цитадели — на 8—10 м. Цитадель разделена местами хорошо прослеживаемыми внутренними стенками, около 70 см толщиной, на многочисленные прямоугольные помещения размером 4×3 — 4×6 м. Прослеживаемый в плане сырцовый кирпич, из которого возведены постройки городища, в основном размером 35×35 см. Площадь городища, как и в предыдущих памятниках, разделена хорошо видными с воздуха темными полосами улиц и переулков

на многочисленные дома-массивы, неправильных очертаний, так же, как и площадь пятачка, разделенные стенками той же толщины и из такого же кирпича на небольшие комнаты.

Собранный на городищах подъемный материал позволил дать их первоначальное хронологическое определение и пролил существенный свет на культурно-исторические связи создателей этих памятников.

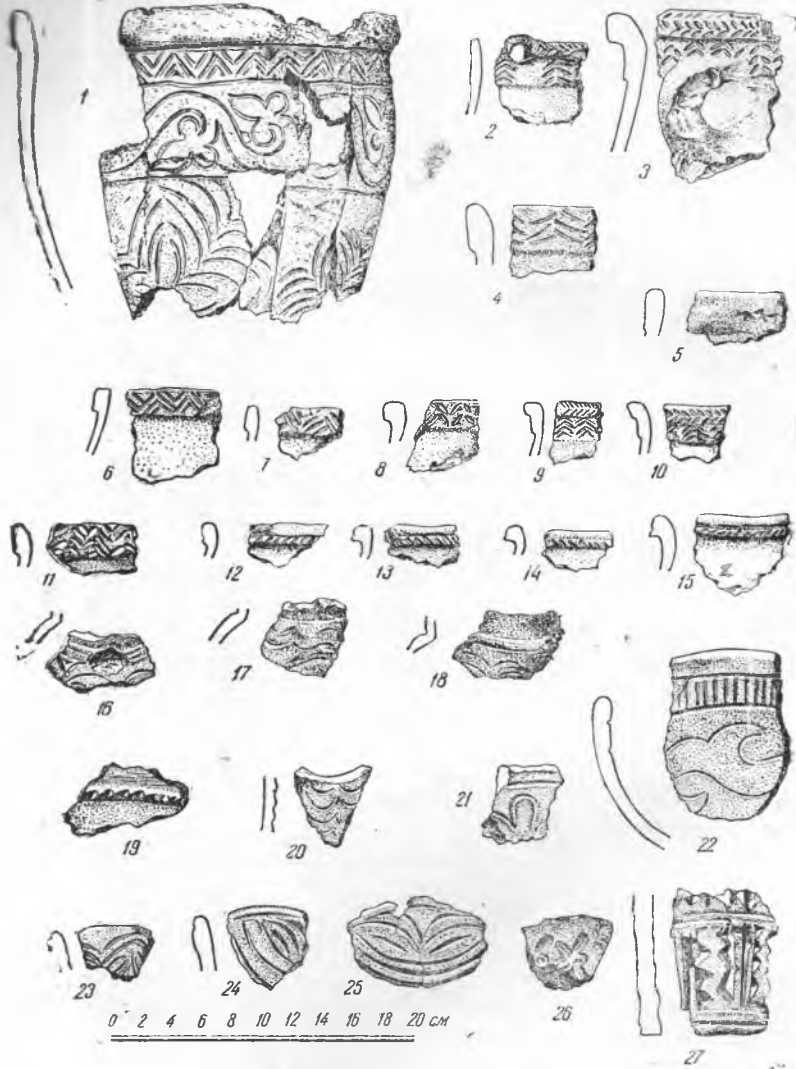

Рис. 13. Городище Куюк-Кескен-кала. Керамика

Среди многочисленной керамики выделяется небольшая группа фрагментов сосудов несомненно хорезмийского происхождения, позволивших сразу определить примерные хронологические грани времени жизни городища. Это, во-первых, довольно многочисленные, особенно в Янгикенте, фрагменты красно-лощенной античной керамики, восходящей к первым векам нашей эры, а может быть и к несколько более раннему времени (рис. 12, 18, 19, 24, 28—30; рис. 14, 13, 14, 16). Среди этой керамики попадаются, впрочем, фрагменты, близкие не к хорезмийской, а к

джеты-асарской античной керамике²⁴, свидетельствующие о влиянии, шедшем с востока по Куван-дарье (рис. 12, 14—17, 21, 22, 23, 24; рис. 14, 9). Это также довольно многочисленные (особенно в Кескен-Куюк-кала и Куюк-кала) фрагменты различных сосудов, особенно небольших хумов типичных среднеафригидских (V—VII вв. н. э.) форм, с характерным волнистолинейным орнаментом (рис. 12, 2, 25, 27), особенно богато представленных в Хорезме на городище Топрак-кала и в

Рис. 14. Городище Куюк-кала. Керамика

нижнем слое Тешик-кала²⁵. Наконец, это довольно многочисленные фрагменты неполивных сосудов (ручки, венчики хумов) раннесредневековых хорезмийских типов, датируемых нами IX—XI вв., особенно обильные в Янгикенте (рис. 15, 1—6, 23, 24), где наряду с этим попадают и фрагменты поливных чаш с белым подглазурным антобом с красновато-коричневой росписью, типичных для X—XI вв. На Янгикенте встречаются и более поздние находки, но единицами. На других городищах их совсем нет.

Весь этот материал позволяет говорить о тесных хозяйственно-культурных связях обитателей янгикентских «болотных городищ» с Хорезмом и о наличии, видимо, некоторого количества населения хорезмий-

²⁴ См. С. П. Толстов, Хорезмская экспедиция 1946 г., ИОИФ, 1947, № 2; его же: Джеты-Асар (раннеантичные памятники верхней Куван-дарьи). СА. XI (в печати).

²⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 119, сл. 138, сл.

ского происхождения (так как трудно предположить транспортировку сюда вековой хорезмийской керамики). О преобладании хорезмийских связей говорит и квадратная форма кирпича, резко отличная от характерного для Джеты-Асара прямоугольного кирпича. Вместе с тем наш материал позволяет утверждать, что городища эти существовали непрерывно со времен античности, по меньшей мере с начала нашей эры до X—XI столетий. Янгикент и по керамическим находкам, и по планировке является точно таким же «болотным городищем», восходящим к античности, но около X в. заново укрепленным по средне-

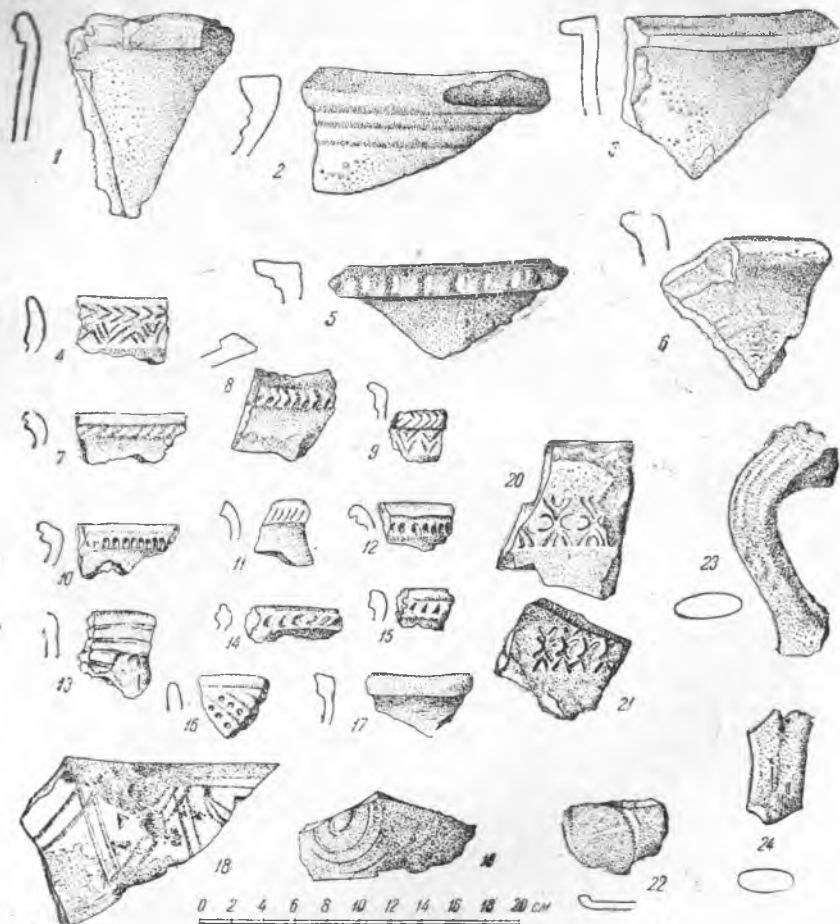

Рис. 15. Городище Джанкент. Керамика.

вековым хорезмийским образцам, видимо, хорезмийскими инженерами и имевшим, судя по керамике, довольно многочисленную хорезмийскую колонию.

Однако подавляющая масса керамики, найденная на всех трех городищах и особенно богатая в Кескен-Куюк-кала, не имеет ничего общего с хорезмийской керамикой и вообще не встречает прямых параллелей в известной нам керамике окружающих районов. Это очень грубая, довольно толстостенная, сделанная без круга и чрезвычайно плохо и неровно обожженная керамика красновато-бурых, желтоватых и темных оттенков, с поверхностью, покрытой богатейшим рельефным орнаментом. Вся масса этой туземной керамики распадается на две основные типологические группы.

1) Разнообразных размеров сосуда, покрытые угловатым, преимущественно елочным орнаментом, нанесенным штампом в виде лопаточки или концом заостренного стержня (рис. 12, 7, 10, 11; рис. 13, 4, 6, сл.; рис. 14, 5, 11; рис. 15, 4 и др.). Среди этих фрагментов выделяются венчики сосудов с отогнутым, уплощенным сверху краем, опоясанным выступом, орнаментированным елкой, овальными или линейными оттисками штампа, расположенными вертикально, и, наконец, лепной (также при помощи лопаточки) имитацией жгута (рис. 12, 1, 3; рис. 15, 7, 8, 10, 12 и др.). Все эти варианты взаимно переходят друг в друга, а сосуды последнего варианта, нередко лучшей выделки, имеют красное лощение, примыкая, таким образом, к хорезмийской античной ремесленной керамике (аналогичный выступ вокруг венчика, имитирующий жгут, характерен и для гончарной керамики Джеты-Асара). Некоторые сосуды этой группы поражают архаичностью своего типа как со стороны техники, так и со стороны орнамента, и во многом перекликаются с керамикой поздней бронзы — до такой степени, что, будь фрагменты стенок таких сосудов найдены вне памятника, они легко могли бы быть отнесены к поздним группам андроновской культуры. Другие сосуды, в частности упомянутые выше венчики с жгутовидным выступом, обнаруживают некоторые черты сходства с лепной керамикой Цымлянских городищ на Нижнем Дону, датируемой временем около середины I тысячелетия н. э. и принадлежащей, видимо, северо-кавказским аланам²⁶.

2) Вторая группа — это в большинстве случаев также очень грубые и плохо обожженные сосуды (горшки и чаши), по тесту, профилю и технике нестличимые от первых, также очень богато орнаментированы, но в совершенно ином стиле. Это пышный, криволинейный прочерченный спирально-растительный орнамент, среди мотивов которого преобладают расцветшие на концах отрезки спирали и листовидные узоры (рис. 13, 1, 21, 23—25; рис. 14, 1 и др.). Один фрагмент чаши с резным орнаментом резко выделяется великолепным тестом, хорошим обжигом и лощением по серой поверхности (рис. 13, 22). Этот орнамент не встречает прямых параллелей в керамике, если не считать очень отдаленных общих аналогий с криволинейным орнаментом керамики Минусинской котловины от тагарской до кыргызской эпохи. Ближайшие аналогии мы находим на другом материале: в каменной резьбе тюркских саркофагов VIII в. н. э.²⁷, в средневековой позднетюркской орнаментике и современном народном искусстве Средней Азии (особенно у киргизов и казахов) — аппликации, вышивке²⁸, костяных и металлических изделиях²⁹. Сходные мотивы гуннских тканей I в. до н. э. из Ноин-Улы³⁰ регистрируются в орнаменте одежды гуннов Семиречья начала н. э.³¹ В целом орнаментальный стиль этой группы ведет нас в древний и, особенно, в раннесредневековый этнографический мир тюркских кочевников Монголии, Южной Сибири, среднеазиатских и восточноевропейских степей, в область орнамента, складывавшегося во взаимодействии с китайской художественной культурой ханьской эпохи.

Точная хронологическая атрибуция обеих основных групп пока, без раскопок, довольно затруднительна. Однако, в целом, мы можем все же наметить некоторые общие положения, требующие еще, конечно, существенных уточнений.

²⁶ М. И. Артамонов, Средневековые поселения на Н. Дону, Л., 1935, стр. 34, рис. 14, стр. 37, рис. 18 и 19 (особенно 19—3 и др.).

²⁷ W. Radloff, Atlas der Altertümer der Mongolei, SPE, 1899, табл. XII, рис. 4 и 6 (особенно последний).

²⁸ Р. Шнейдер, Казакская орнаментика, Сб. „Казак“, изд. АН СССР, Л., 1927.

²⁹ А. Н. Бернштам, Историко-культурное прошлое Сев. Киргизии, Фрунзе, 1943, табл. V, стр. 15—19.

³⁰ С. Trever, Excavation in Northern Mongolia, L. 1932, табл. 4.

³¹ А. Н. Бернштам, Кенкольский могильник, Л., 1940, табл. XXIII (рис. сверху).

1) Первая группа является более древней. Не говоря уже о возможном сопереживании в ней каких-то местных «андроновских» традиций, она, несомненно, по крайней мере частично, сосуществует с красно-лощеной андроновской керамикой кангюйско-кушанских типов и некоторыми формами, характерными для джеты-асарской (тохарской) культуры, хотя некоторые аналогии тянут ее, хотя бы частично, к середине I тысячелетия н. э.

2) Вторая группа — более поздняя; ближайшие стилистические ассоциации связывают ее с памятниками около VIII в. н. э., хотя, как мы видим, на востоке, в Монголии и Семиречьи, эти аналогии уводят нас во времена около начала н. э.

3) Однако условия нахождения и технологические особенности керамики обеих групп позволяют с полной определенностью утверждать, что на значительном отрезке времени (падающем, судя по наиболее обильному сопровождающему хорезмийскому материалу, на раннеафригидскую эпоху, V—VII вв. н. э.) обе группы сосуществовали, взаимодействуя между собой.

Особо надо оговорить находку в Куюк-Кескен-кала керамического фрагмента хорошего обжига, розоватого цвета, с резным орнаментом, перекликающимся с деревянной резьбой кочевников (рис. 13, 27), и в Джанкенте — многочисленных фрагментов крупных сосудов, также хорошего обжига, со штампованным геометрически-растительным орнаментом в виде своеобразных розеток (рис. 15, 20—21). То и другое было в изобилии обнаружено в 1939 г. на городище Куны-Уаз, на землях древнего орошения Ташаузской области ТССР, и должно быть отнесено к раннесредневековому (видимо, X—XI вв.) слою. Отличаясь от керамики основных районов Хорезма, эта керамика Куны-Уаза, вероятно, должна быть приписана огузам северо-западных окраин оазиса.

Мы видим, таким образом, три этнографические струи, отраженные в культуре «болотных городищ» восточного Приаралья:

1) местная культура, несущая древние, глубоко архаичные, восходящие еще к бронзовому веку, традиции;

2) мощное влияние на эту местную культуру со стороны художественного стиля степных тюркских (а может быть и прототюркских) племен Монголии и Приалтайских областей, резко сказывающееся на всем протяжении второй половины I тысячелетия н. э., причем, местные по технике и форме типы сосудов воспринимают восточные, гунно-тюркские формы орнамента, переходящие на приаральскую керамику не с гунно-тюркской керамики, а с изделий из других материалов (ткань, металл, кость);

3) непрерывно действующее влияние высокой среднеазиатской цивилизации — в первую очередь Хорезма, в меньшей мере Средней Сырдарьи (Джеты-Асар).

Наиболее существенным историко-этнографическим выводом из изложенного выше является, как нам представляется, бесспорно устанавливаемое положение о том, что: 1) города нижней Сырдарьи, во всяком случае области Янгикента, не «основаны культурными пришельцами», а созданы самим местным населением; можно лишь говорить о некотором влиянии со стороны, преимущественно, Хорезма и, отчасти, области джеты-асарской культуры; 2) огузы области Янгикента X в. — прямые потомки древнейшего местного населения, корни культуры которого уходят в местные традиции бронзового века; вместе с тем бесспорно, что в их этногенезе участвовал какой-то сильный, пришлый с востока элемент, появляющийся, видимо, около середины I тысячелетия н. э.; 3) как протоогузское, так и огузское население Нижней Сырдарьи не было действительно кочевым. Это — по меньшей мере полуселое, если не просто оседлое (характер поселений), но вместе

с тем скотоводческое (обилие костей животных) и, несомненно, рыболовческое (расположение поселений в болотистой дельте) население.

Текст ал-Индриси (видимо, основанный на каком-то уникальном, но чрезвычайно важном итинерарии, относящемся, судя по локализации границ страны гузов, к XI в. и, скорее, к его первой половине), достоверность которого в свете наших материалов вряд ли может теперь возбуждать сомнения, говорит и о земледелии у обитателей «городов гузов».

Мы можем, следовательно, говорить о полуседлом или оседлом комплексном скотоводческо-рыболовческо-земледельческом хозяйстве, как основе экономики сырдарьинских тюркских племен X—XI вв., выступающих в источниках под именем огузов, и о глубокой традиционности для них этого уклада, уходящего по меньшей мере в античную, если не в бронзовую эпоху.

Планировка наших «городов гузов» (дома-массивы) позволяет говорить о сохранении у них до X—XI вв. тех архаических общинно-родовых традиций, которые отражены в планировке античных городов и селений Хорезма, но в последнем не переживают V—VI вв. н. э.³²

III. „Балык“ — город и „балык“ — рыба

Уже в древнейших тюркских текстах (орхонские надписи VIII в. н. э.) мы встречаем слово, в последующей истории тюркских языков означающее город, — «балык» (*balyq*, орх.) , причем в небезинтересном контексте. Описывая выступление Ильтерес-кагана, отца автора надписи, с семнадцатью воинами поднявшегося на борьбу за власть в переживающем глубокий кризис каганате, автор говорит: «Услышав весть о том, что он бродит за пределами, жители городов (*balyqdaqy*) поднялись, а жители гор спустились и, собравшись, составили семьдесят мужей» (K₁₂).

Слово *balyqdaqy* не вызвало сомнений у переводчиков: В. Радлов переводит *Städtebewohner*³³, П. Мелиоранский — «жители городов»³⁴. И, действительно, слово *balyq* в значении «город» обычно для тюркских языков (кроме тех, правда, преобладающих случаев, когда оно вытеснено иранским *šahr* или арабским *qaṭ'a*). В Kб₄, 22 (и в Xз₀ 11) мы встречаем его в рассказе о войнах Кюль-Тегина против огузов: «В один год мы сражались пять раз. В самый первый (раз) мы сразились при городе (*balyqda*) Тогу». В Kб₈, 5 мы снова встречаемся с этим словом при списании другого похода Кюль-Тегина на огузов в том же году: «В пятый раз мы сразились с огузами при Эзгенти Кадазе. Кюль-Тегин, сев на своего бурого Аза (порода или имя коня), произвел атаку, двух мужей он заколол, но на город (*balyqqa* вместо правильного *balyqqa*) не пошел».

Наконец, в X₂₈, 11—28, 26 мы дважды встречаем столь хорошо впоследствии известное имя города *Beš-balyq* (букв.: пять городов). По Махмуду Кашгарскому³⁵, *balyq* () «замок» () «город» () «на языке язычников и на языке уйгуров». Действительно, в уйгурских документах, изданных Радловым, это слово с совершенно ясным значением «город» встречается беспрестанно³⁶.

³² С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 92 сл., 120 сл.

³³ AIM, I, стр. 9.

³⁴ ЗВО, XII, стр. 66—67 отдельного оттиска: см. ниже, примечание 93.

³⁵ МК, I, 317, 3.

³⁶ USD, стр. 12, 26, 52, 88, 95, 97, 102, 115. Интересно упоминание города Вавилоня в манихейско-уйгурском тексте (95), и особенно выражение «во всех городах и у всех племен» (буддийский текст, 102).

Интересующий нас термин со значением «город» зарегистрирован и в хазарском. Я имею в виду загадочное название восточной части Ити-ля, встречающееся у арабо-персидских авторов в начертаниях: *خبلغ* (Ибн-Хурдадбех), *مبلغ* и *حبلغ* (ал-Гарми — Инб-Русте), *خيلغ* (Гар-ман), *خيلغ* (Ибн-ал-Факих), *حبلغ* (ал-Бекри) ³⁷.

Маркварт ³⁸ реконструирует, по Ибн-Русте, *خبلغ* — *qary (g) = balyq*. Гартманн, с которым полемизирует Маркварт, в указанном месте ³⁹ видит в начертании слова у Ибн-Русте *خنبلغ* *Xan-balyq* — «Ханский город». Это же чтение выдвигает А. Ю. Якубовский ⁴⁰, которому остались неизвестными гипотеза Гартманна и возражения Маркварта, на наш взгляд весьма основательные, а именно — невероятное здесь отсутствие алифа в слове «хан» и малая вероятность появления у хазар этого титула.

Я со своей стороны должен отметить, что, согласно «письму царя Иссифа», в восточном городе живет не хан, а жена его — царица. В силу этого я позволю себе предложить конъектуру *خنبلغ* — *xatun-balyq* — город царицы. Во всяком случае чтение второй части представляется несомненным.

Этот же термин мы встречаем и в монгольском, в форме *balqasun* || || *balqasun* — город ⁴¹, а в тюркской форме *balyq* он выступает, как название Пекина — Хан-балык — в юаньское время (ср. также наименование Хо-балык — «Добрый город», данное монголами Баласагуну).

Для понимания семантики интересующего нас слова важно обратить внимание на то, что древнетюркское *balyq* — город имеет омоним в виде общетюркского *balyq* — рыба. В обоих исследуемых словах легко отделяется живой во всех тюркских языках суффикс образования отыменных прилагательных *lyq* (*bal + lyq* → *balyq*, ср. выше *balyq + qa* → → *balyqa*). Таким образом, в обоих словах вскрывается основа *bal*, которую с другими суффиксами мы находим во многих тюркских языках со значением «грязь», «тина», «глина»: тур. *bal + cyq*, также в ногайском, чаг. также *balcyq*, каз. *balsyq* (откуда и имя улицы Замоскворечья Балчуг, расположенной в районе Болота), алт. *balqas* и т. д., и производные отсюда — тат. *balcaraq* — ненастье, ненастная погода, кирг. *balsaqsy* — кулик, глагол казахск. *balsyraymaq* — загрязниться, алтайск. *balγastu* — грязный, каз. — *balqas* — кочки в болоте (откуда и название озера Балхаш). И здесь мы попадаем в давно уже обративший внимание лингвистов обширный круг параллелей в самых различных языках Евразии, в 1912—1921 гг. исследованный болгарским лингвистом проф. С. Младеновым, а недавно — академиком Н. С. Державиным ⁴²: в частности, русск. *бал+ка* — овраг, слав. *бла+то*, русск. *боло+то*, албанск. *bal+te* — грязь, болото, русско-церковно-слав. *бара* — болота, болг. *бара* — лужа, болото, канава, русло реки, словацкое *bara* — лужа, болото, топь, а с другой стороны — камасинское (самоедское) *bare* — болото.

Проф. Младенов устанавливает, что «более, чем в половине индоевропейских языков имеются довольно многочисленные слова праиндоевропейского корня *ber*, который, вероятно, имел значение: вода, вода,

³⁷ См. Marquart, Streifzüge, S. 270; Komaneu, S. 70—71; Hist. Glossen, S. 195.

³⁸ Marquart, Komaneu, S. 71.

³⁹ Там же, прим. 1.

⁴⁰ А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв., ИОИФ, 1943, № 5, стр. 464.

⁴¹ Мукаддимат ал-Адаб, I—II, М — Л, 1938, стр. 49, 110—111, рис. 433. Из приводимых фраз следует также значение: «дворец», «стена», спец. «глиняная стена». Видимо, с этой монгольской формой связано название главного города Семиречья в каранидское и кара-китайское время — Баласагуна.

⁴² Н. С. Державин, История Болгарии, т. I, стр. 80—82.

которая течет, теку, поток, река; вода нечистая, болотистая; тина, грязь и т. д.⁴³ Вместе с тем Н. С. Державин устанавливает для фракийских языков (с которыми, как мы не раз отмечали, в тесной связи находились языки массагетов)⁴⁴ чередование этой основы с основой *-pera||-para* в окончаниях названий населенных пунктов, с «вероятным значением «город», «селение»⁴⁵.

Широкое распространение в индо-европейских и урало-алтайских языках корня *bal||bar (par, pur)* с одним и тем же чередованием значений позволяет говорить о глубокой древности этого корня; распространение его восходит максимально к поздненеолитическому времени, предшествовавшему выделению индо-европейской системы⁴⁶, т. е. по меньшей мере к III — началу II тысячелетия до н. э. Однако столь глубокая предистория для нас важна только ради установления древности интересующей нас основы, для окончательного выяснения семантики основы *bal||bar*, означающей различные явления, связанные с водой, но прежде всего — болото, лужу, стоячую воду и вместе с тем — город.

Если подойти ближе к вопросу и остановиться на языках непосредственных предшественников тюрков — гуннов, насколько мы знаем их язык из свидетельств древних авторов и из переживаний палеотюркских заимствований в венгерском, мы не только найдем там эту основу в форме *war||wai*, но и можем усмотреть существенное для нас чередование значений — река || город. Иордан сообщает нам, что когда гунны были изгнаны из Паннонии, незначительная их часть «*eas partes Scythiae peteret, quae Danapri amnis fluente praetermeant, quae lingua sua Hunpivar appellant*». Днепр по-гуннски, таким образом, назывался *Hunpivar*, с явным смыслом «Гуннская река» (S. de Keza говорит, что ее «*fluvio Hung vocato*»)⁴⁷, отсюда гуннск. *war* — река⁴⁸ (ср. также мадьярское или печенежское название Днепра — Варух, *βαρύχ* у Константина Багрянородного⁴⁹). Но вместе с тем венгерские хронисты сохранили нам воспоминание о наименовании древней столицы Атилы в Паннонии Будувар (*Buduuar, et a teothonicis Ecilburgum vocatur*)⁵⁰. Правда, говоримся, что, по словам самого Анонима, остатки укреплений, приписываемых Атиле, «*per linguam hungaricam nunc dicitur Buduuar*», т. е. так называли их венгры на своем языке во времена Анонима, по всей видимости в XIII в.

Действительно, по-венгерски и поныне город будет *varos* («варош»). Этот термин выступает уже в древневенгерском. Так, Зоболе, вождь племени хак (*Chak*), в период завоевания Паннонии (IX в.) строит крепость и называет ее Хаквара (*Chakwara*)⁵¹. Но булла папы Евгения II от 826 г., т. е. времени до мадьярского вторжения, называет некоего Анно, епископа г. Ветвара (*Vetvar, в тексте Vetuar*)⁵². Следовательно, как слово *war* — город, так, вероятно, значительная часть вышеуказанных топонимических терминов в Паннонии — довенгерского, сле-

⁴³ Цит. по Н. С. Державину, Указ. соч., стр. 81.

⁴⁴ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 194, 199 сл., 233, сл.

⁴⁵ Н. С. Державин, Цит. соч., стр. 75. Ср. распространение этой же основы с иной огласовкой — *pur* в индийской и иранской топонимике. Ср. также греч. *polis* — город.

⁴⁶ Ср. статью Е. Кричевского в КСИИМК, IV, стр. 6, сл., нашу статью в КСИЭ, I, стр. 12, и статью А. Д. Удальцова в КСИЭ, I, стр. 14, сл.

⁴⁷ S. de Keza, II, 1. ed. Endlicher, 102.

⁴⁸ Ср. Н. И. Ашмарин, Болгары и чуваша, ИОАИЭ, XVIII, 1902, стр. 51, сл., где он сближает гуннское *war* — река с чувашским *var* — долина.

⁴⁹ DAI, XXXVIII.

⁵⁰ Anonymus, I, ed. Endlicher, 3.

⁵¹ S. de Keza, II, ed. Endlicher, 103.

⁵² «Fejer. Codex. Diplom», I, 153, Цит. по Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn, 197, также прим. 325, на стр. 409.

возвращаясь, по меньшей мере аварского, а скорее всего гуннского происхождения, а к гуннскому же надо возводить нововенгерское *varos*.

В этой связи небезинтересно будет обратиться к памятникам эфталтского языка, имеющим непосредственное отношение к предистории араратских огузов.

Маркварт в своей посмертной работе *Wehrot und Arang* подвергает интересному анализу название города *Warwāliz* (*Walwālidj* — وروليز⁵³ وروليز⁵⁴), локализуемого им близ Кундуза, который, по ал-Бируни, будучи «столицей Тохаристана, в старину был царством эфталитов» (*ولولج و هي قصبه طخارستان مملكة الهياطلة في القديم*), и сопоставляемого Марквартом с *Warṣan* **Wāriṣan* армянских географов⁵⁵.

По мнению Маркварта, это имя восходит к восстанавливаемому им самоназванию эфталитов *War* (китайское 渴 — «закономерная китайская передача слога *war*», современное чтение *Хоа*)⁵⁶; «имя «эфталиты» — это, — говорит Маркварт, — лишь имя господствующего рода»⁵⁷, откуда он выводит реконструируемый им титул эфталитских царей — *warīc*⁵⁸.

Не во всех деталях можно здесь за Марквартом следовать. В частности, маловероятно предположение, что в форме *warwaliz* мы видим редупликацию. Вероятнее здесь сопряжение двух однозвучных или близких слов: *war* — племенное имя и *waliz* (~ *wariz*) со значением «город», уже знакомое нам по венгерскому и гуннскому (аварскому?). Встает вопрос, нельзя ли видеть в *waliz* формальный прототип исследуемого *balyq*, т. е. оформленную однозначным с тюркск. *lyq* эфталитским суффиксом *iz* (*liz*?) основу *wal* || *war*, тождественную тюркскому *bal*?

Таким образом, как будто удастся установить следующее:

1) Основа *bal* || *bar* — для обозначения водоема, как текучего, так в первую очередь не текучего, болотистого, является одной из древнейших, восходя, по крайней мере к энеолиту, к III—II тыс. до н. э., чередуясь со столь же древней основой *par* || *per* || *pur* со значением «город», *gesp.* — оседлое поселение у воды.

2) В гуннских языках, в том числе в эфталитском, мы встречаем чередование *war* (*waruh*) — река ~ *war* (*waliz*) — город.

3) В тюрко-монгольских языках мы встречаем чередование *balyq* — город и *balyq* — рыба при основе *bal*, с основным значением «болото».

Мы видим, таким образом, что на базе развития древнего, восходящего к неолиту чередования в тюркских языках возникает сравнительно молодой, оформленный живым аффиксом, параллелизм: г о р о д — р ы б а.

В этой связи не безинтересно будет напомнить, что у якутов термином *балыхсыт* именовались «пешие якуты» — рыболовы, живущие по берегам озер рыболовное население, не занимающееся или мало занимающееся скотоводством (в особенности коневодством: «пешие» противостоят «конным») ⁵⁹.

⁵³ J. Marquart, *Wehrot und Arang*, Leiden, 1938, S. 43—45.

⁵⁴ Бируни, Канон Масудикус у Абу-л-Фида, 473, ed. Reinauld, II, 207.

⁵⁵ Нельзя не отметить, что, по утверждению Маркварта, в афганском языке возможно, в качестве заимствования из эфталитского (не надо забывать, что Кундуз — на территории Афганистана), сохранилось и поныне слово *wala* || *wara* — канал, река (Marquart, *Op. cit.*, S. 82).

⁵⁶ *Op. cit.*, S. 45.

⁵⁷ Там же, Думаю, что это неверно. Если Маркварт прав в своем чтении данного иероглифа, вероятнее искать в этом имени какую-то связь с именем одного из двух отделов (фрагрий?) „псевдоаваров“ Феофилакта Симокатты — Уар (*Ὀβάρ*). Что касается имени эфталитов — см. нашу работу *Древний Хорезм*, стр. 275.

⁵⁸ Там же, стр. 147.

⁵⁹ С. А. Токарев, *Общественный строй якутов XVII—XVIII вв.*, Якутск, 1945, стр. 171—174.

Тип хозяйства якутов — народа, рано отделившегося от комплекса центральноазиатских скотоводческих племен, — вообще чрезвычайно интересен: это комплексное, скотоводчески-рыболовческое хозяйство, с древними традициями оседлости (стационарное жилище). Хозяйство якутов на дальнем северо-востоке и каракалпаков — на юго-западе — это живые этнографические реликты той стадии хозяйственного развития, через которую прошли все или почти все скотоводческие народы Средней Азии и которую рисуют нам наши памятники. Прямой, синхронной и исторически связанной с нашими памятниками параллелью этого комплексного хозяйства, сочетающего городской быт с полукочевым земледелием, скотоводством и рыболовством в области дельты, является хозяйство хазар, достаточно подробно освещенное арабскими и еврейскими документами X в.

Позволим себе теперь исторически осмыслить изложенные выше языковые факты.

1) Тесная взаимосвязь в ряде языков различных систем интересующей нас основы с понятиями — «вода» (преимущественно — стоячая), «болото», «озеро» и «город» позволяет предположить о связи древнейшей оседлости неолита и бронзового века с рыболовством, преимущественно в условиях болотно-озерного режима. Это подтверждается целиком всем имеющимся в нашем распоряжении археологическим материалом, равно как и этнографическими параллелями⁶⁰. Продолжение этой традиции в железном веке находит свое отражение в характеристике массагетов болот и островов Страбона — Гекатея.

2) Возникновение на этой основе сравнительно молодого чередования тюркск. балык — город и балык — рыба свидетельствует о том, что в период завершения формирования тюркских языков, вероятно около середины I тыс. н. э.⁶¹, эта взаимосвязь оседлости с рыболовством и обитанием в условиях озерно-болотного ландшафта продолжала существовать, что также подтверждается публикуемым нами здесь археологическим материалом, как и этнографическими реликтами (каракалпаки, якуты).

IV. Северо-восточное Приаралье в дотюркский период и легенда об Огуз-кагане

Заключение о непрерывности жизни наших памятников, по крайней мере с начала нашей эры до эпохи, когда область Янгикента и «города гузов» становятся известными арабским источникам, заставляет нас обратиться к вопросам истории Приаралья в более ранний, чем затронутый нами выше «огузский» период.

Большинство авторов, работавших в области исторической географии древнего Восточного Приаралья, склонны именно здесь локализовать центр области Яньцай (впоследствии Аланья, еще позднее — Судз) китайских источников⁶².

Я не думаю, чтобы китайские источники разумели под Яньцай всюду «местности у Аральского моря», как предполагает В. В. Бартольд. Целый ряд мест в китайской литературе позволяет полагать, что китайцы разумели под Яньцай гораздо более обширную территорию — всю огромную область тогдашних кочевий алан, от Сыр-дарьи и Хорезма до Предкавказья⁶³. Однако, вместе с тем бесспорно, что из районов расселения алан именно Восточное и Северное Приаралье были наиболее

⁶⁰ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 59 сл.

⁶¹ А. Н. Бернштам, СЭ, VI—VII, 1947. См. также ниже примечание 93.

⁶² В. Бартольд, Сведения об Аральском море, 1902, стр. 20, сл.; его же, Туркмения, I, стр. 7.

⁶³ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 20.

известен китайцам. «Море без берегов», «Северное» или «Западное море» — в этом мы целиком согласны с Хиртом и Бартольдом — это прежде всего Аральское море, хотя — и в этом опять-таки правы упомянутые авторы — на него китайцы нередко прозирают имевшиеся в их распоряжении туманные сведения о Каспии, как в свою очередь английские авторы путают Арал то с Каспием, то с Меотидой. Весьма вероятно, что «море без берегов» — это просто перевод иранского термина, зафиксированного в Авесте и в пехлевийской литературе в форме «море Вурукаша», с тем же, как известно, значением термина, большинством авторов приурочиваемого именно к Аралу. В связи с этим, вероятнее всего именно с областью Северо-Восточного Приаралья надо связывать сведения о событиях в Судэ-Яньцай, содержащиеся в Бэй-ши, познания авторов которого о западных странах были географически гораздо более ограничены, чем познания более ранних и более поздних авторов, писавших в периоды политической активности Китая на западе. Бэй-ши сообщает нам, что «некогда хунны, убив владетеля судэского, овладели землями его. Владетель Хуни составлял уже четвертое колено после того события»⁶⁴.

Иностранцев и Аристов датируют время «владетеля Хуни» около 440 г., когда в Китай прибыло посольство из Судэ⁶⁵, к которому, видимо, и восходит приведенное выше сообщение. В таком случае время овладения хуннами областью Судэ надо относить к периоду за 75—100 лет до этого, т. е. к середине IV в. — незадолго до того, как гунны появляются в Европе.

Вышеприведенные данные Бэй-ши о посольстве из страны Судэ к китайскому двору около 440 г. (причем посланник Судэ выступает вместе с посланниками «кучаским, кашгарским, усуньским, юебаньским, шаньшаньским, харащарским и чешыским»⁶⁶, т. е. представителями восточнотуркестанских мелких государств и областей северо-востока Средней Азии) исключают возможность видеть в Судэ, как делает Иностранцев, область к северу от Каспия. 440-й год — это время расцвета восточноевропейской империи Аттилы, и исторически абсолютно невозможно, чтобы скромный Хуни, посол которого упоминается в конце перечня послов мелких центральноазиатских владений, был тождественен великому завоевателю, как столь же невозможно предполагать наличие независимого от Аттилы гуннского государства в Восточной Европе и его сношения с Китаем, в это время, как мы знаем, находившимся в состоянии политического упадка и представлявшим мало интереса для столь отдаленных стран. Гораздо вероятнее видеть в Хуни Бэй-ши царя среднеазиатских хуннов-кидаритов, в 468 г. разбитого Перозом и носившего, по Приску, имя *Кобүүхэс* (Маркварт считает, что Приск принял исходное *Кобүүхэс* за винительный падеж и образовал отсюда греческий именительный и что имя царя надо читать не Кунгха, как обычно принято, а *Qun-qan*, т. е. Кун-хан или хан кунов ~ эфталитов)⁶⁷.

В этой связи небезинтересно вернуться к анализу имени *кидаритов*, традиционно возводимого источниками к имени царя — основателя этого варварского государства, везде, впрочем, выступающего лишь ретроспективно, для объяснения имени, нигде не фигурируя в качестве конкретного исторического деятеля⁶⁸. Нам представляется гораздо более

⁶⁴ Собр. свед., III, стр. 166.

⁶⁵ К. Иностранцев, Хунну и гунны, Л., 1926, стр. 100; Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен, ЖС, 1896, III, IV, стр. 293.

⁶⁶ Собр. свед., III, стр. 137.

⁶⁷ Maqqaqt, Komanen, S. 70.

⁶⁸ Ср. Н. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М. — Л., 1941, стр. 38—48; здесь автор без особой критики пересказывает показания источников.

убедительной гипотеза Лерха⁶⁹ и Веселовского⁷⁰, связавших имя кидаритов с именем восточной части нижней дельты Аму-дарьи — Кердер или Курдер (كردر) — и видевших пережиток этнонима кидаритов в названии казахского племени кердери (М. Орда).

Напомню, что, по свидетельству Якута, «Кердер — местность в области Хорезма или на границе ее с областью тюрок. Язык ее не хорезмский и не тюркский. У них в области множество селений, у них стада и животные; но это презренные люди»⁷¹ (рядка моя.— С. Т.); отсюда можно предположить переживание здесь гуннско-кидаритского (эфталитского) языка. В связи с этим надо вспомнить, что, по свидетельству Мас'уди (ум. в 956 г. н. э.), причиной движения тюркских племен в конце IX в. в Европу была имевшая место «у моря Гурганча» (Аральское море), борьба «между этими четырьмя тюркскими племенами Баджанак, Баджане, Баджгард и Наукерде (نوگردو), с одной стороны, и гузами, карлуками и кимаками — с другой»⁷². Первые два имени — варианты имени печенегов, третье — имя башкир ~ мадьяр. Что касается четвертого, то оно звучит интересно в свете изложенного: вторая его часть совпадает с именем Кердер (без аффикса мн. ч.— r), первая же — бесспорно иранское *paui* — н о в ы й. Если же мы вспомним, что *kert* ~ *kerd* — одна из древних индоевропейских основ для термина «город» (откуда и русск. «город») ⁷³, то мы можем заключить, что в Нау-Керде мы видим архаическую древнеиндоевропейскую, видимо, сармато-аланскую, отличную от эфталитской форму того же имени «Новый Город», «Новое Селение» — термин, и по смыслу и по составу тождественный с русск. Новгород; его мы впоследствии встречаем в имени Янгикента и его персидском и арабском эквивалентах, наличие которых свидетельствует о живости семантики этого древнего (судя по форме и археологическому возрасту города) имени. На у к е р д е, таким образом, — «я н г и к е н т ц ы», связанные в IX в. союзными узлами с печенегами и башкирами ~ мадьярами и ведущие борьбу с гузами, карлуками и кимаками.

Ниже мы вернемся еще раз к этому вопросу. Сейчас же, я думаю, мы можем считать с большой долей вероятности установленным, что свидетельство Бэй-ши относится к области Восточного Приаралья, где около середины IV в. н. э. выходцы с северо-восточных рубежей Средней Азии — ветвь западных гуннов — подчиняют себе местное древнее сармато-аланское население и кладут основу смешанному алано-гуннскому варварскому государству гуннов-кидаритов, получившему свое имя от названия страны Кердер — «страны городов», т. е. укрепленных поселений скотоводов-рыболовов-земледельцев древней общей дельты Аму-дарьи и Сыр-дарьи. Весьма вероятно, что на этом историческом этапе приаральский «Новгород» — Наукерде = Янгикент являлся столицей кидаритов-гуннов «страны городов». Возможно, впрочем, что это имя первоначально относилось к гораздо более крупному и, видимо, древнему поселению — Кескен-Куюк-кала и лишь около X в. перешло на модернизированную крепость Янгикента, откуда и свежесть семантики имени для авторов X—XI вв.

В свете этих заключений могут быть по-новому поняты известные показания византийцев об образе жизни гуннов-эфталитов VI в. — исто-

⁶⁹ P. Lerch, Khiva oder Khâresm, СПб. 1873. стр. 30.

⁷⁰ Н. Веселовский, Очерк историко-географ. сведений о Хивянском ханстве, СПб., 1877, стр. 13.

⁷¹ Якут, изд. Wüstenfeld, IV, 257; МИТТ, I, стр. 431.

⁷² Marquart, Цит. соч., стр. 26. Подробнее см. его же, Streifzüge, стр. 60, сл.

⁷³ Ср. Н. С. Державин. Из истории древнеславянского города, ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 147—149, а также Н. Я. Марр, Избр. работы, V, стр. 508.

Прокопий Кесарийский сообщает об эфталитах, что «они не кочевники, подобно гунвским племенам, но и древле населяют плодоносную страну»⁷⁴. А Менандр Протектор, передавая беседу Юстина II с тюркским послом, сообщает, что на вопрос императора об образе жизни недавно докоренных тюрками эфталитов посол ответил: «это городской народ»⁷⁵. Есть все основания видеть древнейшие эфталитские города в наших «болотных городищах», а не в городах Мавераннахра, где эфталиты были пришлым элементом, к которому вряд ли могли быть отнесены формулировки Прокопия и Менандра.

Уже И. Бичурин⁷⁶ обратил внимание на поразительное совпадение ряда деталей эпической биографии мифического предка-эпонима огузов Огуз-кагана⁷⁷ и приводимой китайскими источниками (Цянь Хань-шу) биографии основателя гуннской империи (конец III в. до н. э.) Модэ (Мао-дун) Шаньюя (восстание против отца и убийство последнего в бою, направление и последовательность завоевательных походов и др.). В последнее время эту параллель по-новому разработал и обосновал А. Н. Бернштам⁷⁸.

Легенда об Огуз-кагане своим тотемическим аспектом (Огуз — бык) ведет нас также в круг тотемических образов гуннов⁷⁹ — как мы знаем, у древних приаральских племен — массагетов центральным тотемическим образом был конь⁸⁰.

Огузы и воспринявшие огузскую генеалогическую традицию туркмены неизменно, на протяжении тысячелетия с XI по XX в., сохраняют традиционное деление на 24 племени. Позволю себе привести сравнительную таблицу 24 племен огузов — туркмен Махмуда Кашгарского (XI в.), Рашид-ад-Дина (XIV в.) и современную (по Г. И. Карпову) (в основу берем порядок списка МК, см. таблицу на стр. 79).

Мы видим, что повторяющееся традиционное деление на 24 племени носит в значительной мере искусственный характер. Уже Махмуд Кашгарский насчитал только 22 племени, но для «ровного счета» добавил два безыменных племени народности халаджей (калачей), по всем данным имевших к огузам весьма отдаленное отношение. У Рашид-ад-Дина отсутствует одно племя из списка МК, но зато 3 новых, отсутствующих у его предшественников. И, наконец, из «24 племен» современных туркмен только четыре совпадают со списком МК и одно (да и то сомнительно) совпадает со списком Рашид-ад-Дина, да еще 5 племен обоих старых списков мы узнаем среди подразделений племен гоклан, теке, чаудор и мурча-или. Анализ списка Г. И. Карпова позволяет легко убедиться в том, что число 24 носит характер довольно искусственно подогнанного. Так, ряд мелких племен, постоянно фигурирующих в источниках как самостоятельные, оказываются в списке включенными в другие племена или вовсе в нем отсутствуют (таковы огурджали, тиведжи (дюзджи), сакар, меджеур и др.). Эмрели фигурируют и как самостоятельное племя и как подразделение йомутов — кара-чока и т. п. •

Мы видим, таким образом, что как в XI, так и в XX в. реально не существовало «24 племен» огузов (resp. туркмен) — было меньшее при Махмуде Кашгарском и большее в наши дни число племен, искусственно подгоняемое к традиционной генеалогической схеме. Эта схема, даю-

⁷⁴ Прокопий, перев. Дестуниса, СПб., 1862, стр. 13.

⁷⁵ Fg. Hist. Graec., IV, стр. 222.

⁷⁶ Собр. свед., I (1851), стр. 26.

⁷⁷ Иакинф пользовался поздним текстом Абульгази. См. Рашид-ад-Дин, I, изд. Березина, стр. 12 сл.

⁷⁸ А. Н. Бернштам, СЭ, 1935, № 6, стр. 37 сл.

⁷⁹ Там же

⁸⁰ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 207, сл.

XI в. (МК)	XIV в. (Р.-ад.-Д.)	XIX в. (Карпов)			
		Племена	Подразделения племен		
1. Кынык 2. Кайыг 3. Баюндур 4. Ива (Йиве) 5. Салгур 6. Афшар	1. Кынык 2. Кайы 3. Баюндур 4. Йиве 5. Салур 6. Авшар	1. Салыр	Кай (племя гоклан) Авшар (племена мурча-или, гокланы-додурга, каркын)		
7. Бектили 8. Бюкдюз 9. Баят	7. Бекдили 8. Бюкдюз 9. Баят		2. Эмрели	Баят (баяут, племя гоклан) Языр (племя теке) Эмрели (племя йомут)	
10. Язгыр 11. Эймюр 12. Кара-бюлюк 13. Алка-Бюлюк 14. Игдер 15. Урекир (Юрекир)	10. Языр 11. Эймюр 12. Кара-Эвли 13. Алкыр Эвли 14. Йигдер 15. Урекир			3. Али-эли (?) ⁸	Игдыр (племя чаудор)
16. Тутырга 17. Ула-йондлуг 18. Тюкер 19. Печенег 20. Джувалдар 21. Жебни 22. Джаруклуг 23. Халадж I 24. Халадж II	16. Дудурга 17. Ула-йонглы 18. Дюкер 19. Биджне 20. Джавулдур 21. Чебни				4. Чаудор
	22. Яйырлы 23. Карык 24. Каркын		5. Каркын (карки) 6. Теке 7. Эрсари 8. Сарык 9. Йомут 10. Гоклан	(прим.: объединение древних племен кай и додурга)	
			11. Олам 12. Карадашлы	(по Абульгази—часть древнего племени языр)	
		13. Агар 14. Арвачи 15. Эски 16. Кеикчи 17. Сунча-или 18. Нухурли 19. Мурча-или 20. Сеид 21. Ходжа 22. Ших 23. Махтум 24. Ата	} племена эвлят, предполагаемые потомки арабов		

щая потомство Огуз-кагана от двух жен, имевших каждая по 3 сына, каждый из которых имел в свою очередь по 4 сына, может быть выражена генеалогической формулой 1 : 2 : 3 : 4 — весьма своеобразной по своей структуре и отличной от большинства других генеалогических формул, нам известных.

Традиция 24 делений оставалась весьма прочной не только в теории, но и в практике общественной жизни туркмен еще в XIX в. Мервские

⁸¹ См. заметку Г. И. Карпова в настоящем номере журнала.

теке возглавляются советом из 24 старейшин (в каждом из двух основных отделов теке — отамыш и тохтамыш)⁸².

Прототип этой схемы деления на 24 племена с группировкой на правое и левое крылья по 12 племен в каждом, как это мы имеем во всех «Огуз-намэ», мы находим в Ши-цзи Сы-ма-цяня при описании военно-административной реформы Модэ-Шаньюя, тождественной и в этом с военно-административной реформой Огуз-кагана во всех Огуз-намэ.

«Установлены были, — пишет Сы-ма-цянь⁸³, —... всего 24 старейшины, которые носят общее название темников (кит. — Вань-ки). Вельможи вообще суть наследственные сановники... Князья и предводители восточной стороны занимают восточную сторону... Князья и предводители западной стороны занимают западную сторону...». Княжеские титулы симметрично повторяются в «восточной» и «западной» сторонах, соответствующих «крыльям» огузских генеалогий с их строго симметричной структурой.

Приведенный выше материал позволяет, как нам кажется, восстановить историческую картину закрепления гуннской исторической традиции у племен Приаралья — будущих огузов. Она была принесена сюда в IV в. н. э. хуннскими завоевателями страны Судэ — Яньчай, причем не просто в форме сказания: последнее было связано с военно-административной структурой хуннского союза и боевым построением хуннов, требовавшим строгого сохранения симметричной схемы, традиционного числа подразделений и их группировки во время боя. Она была сохранена приаральскими гуннами, кидаритами-эфталитами и унаследована их потомками — племенами огузского союза X—XI вв. и, наконец, туркменами XIX — начала XX в., вопреки всем этнографическим перетасовкам, которые за это время имели место.

При этом, как мы увидим ниже, хуннская схема военно-племенного членения столкнулась на Сыр-дарье с иной схемой, ассимилировавшейся с первой и наложившей свой отпечаток на средневековую версию сказания об Огуз-кагане, отпечаток, отсутствующий в китайских сообщениях о реформе Модэ (см. ниже).

Племена или народности, консолидировавшиеся в систему огузского союза уже в том виде, в каком они выступали в XI в., были, как в отношении части из них уже установлено, различного происхождения. Маркварт⁸⁴ еще в 1914 г. убедительно показал, что кайы (кай) — племя не тюркского, по его мнению, а монгольского происхождения; во всяком случае, Бируни рассматривает их как самостоятельный народ, обитающий к востоку от киргиз⁸⁵. Маркварту, естественно, осталось тогда неизвестным подтверждающее его гипотезу свидетельство Махмуда Кашгарского о том, что кай говорят не на тюркском языке и одновременно знают тюркский.

Что касается баят, то монгольское происхождение их почти несомненно: в форме баяут (ср. баяут — племя канглов (йемеков) в XII в., а также род баяут у современных туркмен-гоккланов, боут русских лето-

⁸² В. В. Бартольд, История турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928, стр. 4. Здесь автор убедительно сопоставляет 24 мервских старейшин с 24 должностями государства хунну.

⁸³ Собр. свед., I, стр. 14—15.

⁸⁴ Marquart, Kompen, S. 39 ff.

⁸⁵ В. Ф. Минорский (Marvazī, стр. 97, прим. 3) говорит об ошибке Маркварта, смешавшего самостоятельную народность Qāu (МК, I, стр. 28) с огузским племенем Qauṭ (МК, I, стр. 56). Однако данные Бируни и Марвази о тесной связи Кай и Кун и о принадлежности к последним хорезмшаха Икинчи б. Кочкара (+1097) заставляют предполагать, что перед нами два произношения одного имени в применении к двум частям одного народа, одна из которых вошла в состав огузов, а другая осталась на востоке (ср. аналогичное положение с печенегами у МК).

писей) они в этнографии Рашид-ад-Дина выступают как монгольское племя, классифицируемое с «коренными монгольскими племенами, которые были в Эргенехоне», и бывшее одним из первых племен, присоединившихся к Чингис-хану⁸⁶. Монгольское происхождение этого имени выдает сама форма с аффиксом *-t* — крайне распространенный этнонимический аффикс ~ афф. мн. ч., для ед. ч. на *-n*, откуда ед. ч. *баян*, монг. «богатый» — личное имя одного из каганов авар.

Я думаю, отсюда весьма вероятно связь с монгольскими и племени баяндер (баюндур), которых Гардизи еще в X в. рассматривает как одно из племен кимаков (в состав их входили, несомненно, и монгольские татары) и которые, видимо, лишь около конца X — начала XI в. вошли в огузский союз.

Вопрос о появлении монгольских племен в приаральских степях в «домонгольский» период, впервые поставленный Марквартом⁸⁷, до сих пор по-настоящему не разрешен. Маркварт сам не дает достаточно четкой концепции этого процесса, с одной стороны связывая это движение с событиями X—XII вв. (подъем и падение государства кытаев — Ляо)⁸⁸, с другой, — пытаюсь доказать гораздо более раннее их появление, относящееся к событиям эфталито-аварского периода и, в частности, пытаюсь обосновать уравнение *кайы* = *кун* = эфталиты⁸⁹. Я думаю, что мало правдоподобно отнесение интересующего нас движения к XI в. — совершенно невероятно, чтобы за несколько десятилетий эти пришельцы из далеких стран органически вошли в основное ядро огузского народа (не надо забывать, что во всех Огуз-наме отведено достаточно места для так называемых «присоединившихся к огузам племен»). Гораздо правдоподобнее приурочить их появление к более раннему из устанавливаемых Марквартом движений — отнести их за счет жуань-жуаньского (аварского) компонента в составе кидаритов-эфталитов и датировать их появление на Сыр-дарье временем между IV и VI в., скорее — ближе к последнему⁹⁰.

⁸⁶ Рашид-ад-Дин, I, изд. Березина, стр. 10, 173; ср. Marquart, Op. cit., S. 171.

⁸⁷ Marquart, Op. cit., S. 90, 172.

⁸⁸ Op. cit., S. 46 ff.

⁸⁹ Op. cit., S. 64 ff.

⁹⁰ Я должен обратить внимание на важный параллелизм между рассказом Марвази-Ауфи о *кун* и *кайы* и рассказом Феофилакта Симокатты об аварах и псевдоаварах (уархонитах). По Феофилакту, авары (жуань-жуани) после поражения их тюрками бегут к народу, именуемому *мукри* (Μούκρι), живущему поблизости от Китая (Ταυράτ). После этого тюркский каган предпринимает поход на *огоров*, живущих на реке Черный Тиль (τῆλ) и возглавляемых племенами *уар* и *хунни*. Эти посланные в свою очередь вторгаются в Европу и принимают по не совсем понятной причине имя авар. Ауфи говорит о том, как народ *мурка* (موركا), именуемый иначе *кун*, вышел из страны *Китай* (по Марвази, «боясь Китай-хана»). Преследуемые народом *каш*, они переселились в страну *Сари* (у Марвази Шари), обитатели которой ушли в страну туркмен, туркмены — в восточную часть страны гузов, гузы — в страну печенегов, к «Армянскому морю».

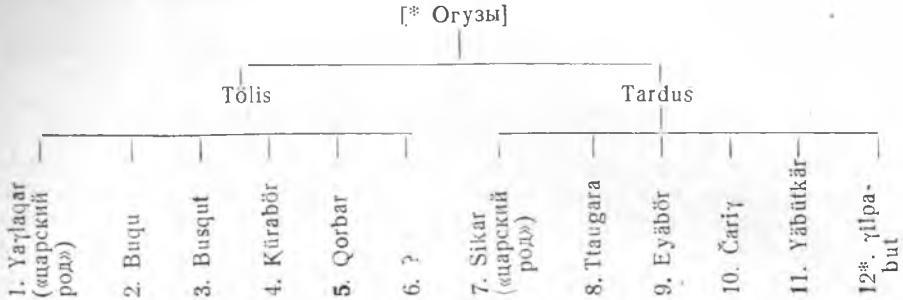
Этот рассказ, по справедливому замечанию Бартольда (рецензия на Команеп Маркварта, Русск. ист. журн., 1921, № 7, стр. 141), «возбуждающий ряд недоумений», естественно, не может относиться к событиям, происходившим чуть ли не на глазах у Марвази. Здесь перед нами крайне искаженное и «модернизированное» изложение тех же событий, о которых повествует, также не без путаницы, Феофилакт.

Я не думаю, что прав В. Минорский, видя в замене в изданном им тексте Марвази *قاف* («племя», «отдел») вм. *قاف* основание для того, чтобы считать этот народ не существовавшим (Marvazi, стр. 98): не во всяком списке первоисточника текст вернее, чем в переводе.

Маркварт (Команеп, стр. 72) более прав, чем Шаванн (Дос., стр. 247), когда видит в *огорах* Феофилакта не «уйгуров», а ротицирующую форму имени *огузов*, только он совершает ту же ошибку, что и Шаванн, когда ищет «Черный Тиль» где-то на далеком востоке («Тогла или Орхон?»). На деле это, конечно, не что иное, как «Черный Итиль» — Волга (в отличие от «Белого Итиля» — Камы). Напомню, что Земарх на обратном пути из ставки тюркского кагана застаёт «угуров» именно в Нижнем Поволжье. Народные предания, восходящие к VI в. и сохраненные Марвази и Ауфи,

Помимо выделенных таким образом предположительно монгольских элементов в составе «24 племен», мы должны обратить внимание еще на 7 племен, которые, видимо, должны рассматриваться как относительно недавно ассимилированные индоевропейцы. Это племена *тукер* (дюкер) и *азыр* (язгыр).

В отношении первого надо отметить интереснейшую работу Хеннинга⁹¹, отведенную анализу «сакского» документа VIII в., посвященного списку народностей. Если принять положение Мелиоранского⁹², считающего толесов и тардушей двумя основными отделениями огузов, мы получаем интересную схему 12 огузских племен VIII в.

Эта схема восточных (восточнотуркестанских⁹³) огузов интересна в трех отношениях:

Во-первых, здесь в несколько упрощенном виде воспроизведена классическая гунно-огузская схема.

Во-вторых, при этом, в основном, составе племен мы имеем несколько совпадений с классическим огузским списком.

1. Busqut, — возможно, через метатезис связан с *бюкдюз*;
- 2—3. Kırabör в одном и Eyaör в другом крыле, весьма вероятно, воспроизводятся в *кара-бюлюк* и *алка-бюлюк*;
4. Ttaugara находит прямое соответствие в *тукер* (дюкер);
5. Çariγ — столь же прямое соответствие в *джаруклуг* (самостоятельная народность чарук, упоминается Махмудом Кашгарским⁹⁴ в районе города Барчук, совр. Марал-баши).

позволяют заключить о бегстве различных племен, входивших в жуань-жуаньский (аварский) каганат, на запад под ударами тюрков и о вхождении их в состав огузов — имя, которым в это время означались северные группы «белых гуннов». Характерно, что не только *каи*, но и загадочные *мурки* (*мурка*) сохранились донныне в родовом составе современных туркмен: племя *гоклан* состоит из четырех крупных отделов: *каи*, *додурга*, *хатап* и *мурки*. В состав небольшого племени *курома-олам*, в котором Г. И. Карпов не без основания видит смешанную группу, образовавшуюся вокруг аланского ядра, мы встречаем также роды *Хатап* и *Мурки*. Наконец, нельзя не ассоциировать со столь загадочными *Сари* (*Шари*) два крупных туркменских племени, некогда входивших в салорский союз, *сарык* и *эр-сари*.

⁹¹ Argi and the Tokharians, BSOS, 1938, стр. 545, сл. Ср. Умняков, Тохарская проблема, ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 190.

⁹² ЗВО, XII, стр. 109; XV, стр. 172—173.

⁹³ Вопрос о происхождении восточных групп огузов требует специального исследования. Я склонен видеть в них также продукт в основном массагето-гуннского скрещения, причем весьма вероятно, что в процессе их окончательной консолидации крупную роль сыграло движение среднеазиатских эфталитов на восток в начале VI в., когда их власть достигла Хотана. В связи с этим нельзя не обратить внимание на ряд существенных черт сходства в типе древнего расселения и в планировке поселений Нижней Сыр-Дарьи и бассейна Верхнего Орхона, в Монголии (ср. особенно план «дворца» в Хара-Балгасуне, Radloff, Atlas, табл. XXVII, 2; на деле это не «дворец», а город, примерно, тех же размеров и очень сходных пропорций, как и восточно-аральские). Ср. в этой связи «города огузов» орхонских надписей. Окружающая местность, где сближается ряд рек, в значительной части представляет собой болотистую равнину (см. Труды Орхонской экспедиции, I, 1892, стр. 81) и изобилует разновременными памятниками оседлых поселений.

⁹⁴ МК. I, стр. 318.

Следовательно, 5 из 11 (двенадцатого нет в списке), т. е. почти половина имен тождественна с именами классических списков Огуз-намэ.

В-третьих, имя *ttaugaga* (тюкер) дано в форме, обнаруживающей, как совершенно правильно заключает Хеннинг, несомненную связь его с именем *тохаров*.

Таким образом, этот текст не только дает нам более древнюю систему огузского союза (правда на иной, чем наша, территории), но и свидетельствует о включении в его состав остатков знаменитых тохаров — одного из основных племен массагетского союза, во II в. до н. э. завоевавшего Бактрию. Трудно пока сказать, остатки ли это восточнотуркестанских или сырдарьинских тохаров, бесспорно одно — в его лице вошел в состав огузов безусловно индоевропейский элемент.

Языры обнаруживают несомненное ономастическое сходство с именем *ясов* — алан. Однако этого было бы, конечно, мало для сколько-нибудь достоверных выводов. Напомню, однако, что в исторических источниках языры явно выступают как крайнее юго-западное племя огузов и до их переселения в область Дуруна живут, видимо, в районе южного Устюрта и Мангышлака, т. е. там, где ал-Бируни локализует «алан и асов», говоривших еще в начале XI в. на смешанном, «хорезмийско-печенежском» языке⁹⁵. Это делает ономастическую связь уже важным историко-этнографическим документом.

К трем «монгольско-аварским» и к двум индоевропейским племенам надо прибавить еще печенегов, племя хотя и бесспорно тюркское, но вместе с тем явно первоначально не огузское. Напомню, что Махмуд Кашгарский⁹⁶ считает печенежский язык близким к *булгарскому* и *суварскому*, к языкам арханчского, палеотюркского типа, единственным представителем которых сейчас является чувашский. Господствующее в современной тюркологии отнесение печенежского языка к «кыпчакской» ветви построено на более чем шатких основаниях.

Таким образом, по крайней мере 6 из 24 племен огузов (дальнейшее исследование, вероятно, увеличит это число) не огузского, а 5 из них и вовсе не тюркского происхождения.

Языковые материалы, для XI в. с исключительной полнотой и наблюдательностью собранные Махмудом Кашгарским, позволяют заключить вместе с тем, что в языке огузов далеко не последовательно выступают особенности юго-западной тюркской (так называемой «огузской») группы. Так, наряду с закономерными для этой группы $t \rightarrow d$, $k \rightarrow x$, мы встречаем у огузов $y \rightarrow dz$, столь же закономерное для северо-западной (так называемой «кыпчакской» группы). С другой стороны, у кыпчаков регистрируются наряду с типично «кыпчакским» $ç \rightarrow sh$ столь же типично «огузские» $t \rightarrow d$, $k \rightarrow x$ ⁹⁷. Это позволяет с большой долей основания утверждать, что и в языковом отношении сырдарьинские огузы накануне и во время их движения на юго-запад представляли довольно пеструю картину и отнюдь не являлись сколько-нибудь последовательными представителями юго-западной, «огузской» языковой ветви *тюрков*.

Характерно, что, сопоставляя транскрипцию огузских племенных названий Махмуда Кашгарского и Рашид-ад-Дана, т. е. XI и XIV вв., мы видим, что только у последнего эти имена даны в юго-западной форме; у Махмуда Кашгарского они имеют форму, более характерную для северо-западной ветви⁹⁸.

⁹⁵ ВДИ, 1941, № 1.

⁹⁶ МК, I, стр. 30.

⁹⁷ Ср. В. В. Бартольд, История турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928, стр. 14—15.

⁹⁸ Ср. МК — *бектиля, тутырга, тюкер, Р-ад-Д.— бекдили, дудурга, дюкер.*

У. „Черные клубуки“, огузы и каракалпаки

Имена печенегов, огузов и каракалпаков (в форме «черные клубуки» — бесспорный перевод, а во второй части транскрипция тюркского «кара калпақ») прочно вошли в историю Киевской Руси как имя то врагов, то союзников на южных степных границах, то, наконец, органического составного элемента населения Киевского государства⁹⁹.

Печенеги впервые упоминаются в летописи под 915 г. («В лето 6423. Придоша печенѣги первое на Русскую землю и сотвориша мѣрь съ Игоремъ»). Торки (узы) впервые упоминаются под 985 г., неожиданно появляясь как участники похода Владимира на болгар (видимо, камских).

Таким образом, уже в X в. огузские племена, следом за печенегами, появляются на границах Руси. Византийские источники¹⁰⁰, как и арабские¹⁰¹, дают нам много материала о враждебных отношениях между огузами (узами) и печенегами. Память о жестокой борьбе огузов и печенегов дожила до XVII в. — об этом нам сообщает Абульгази в цикле сказаний о Салор-Казане¹⁰². Однако мы знаем, что уже во второй половине XI в. в списке Махмуда Кашгарского имя Печенег появляется в числе огузских племен¹⁰³ (наряду с самостоятельным народом печенегов, помещаемым далеко на запад от огузов)¹⁰⁴, а из позднейших источников, начиная с Рашид-ад-Дина, мы видим, что печенеги фигурируют в числе четырех наиболее влиятельных племен огузов и из них выдвигаются беки левого крыла.

От Константина Багрянородного мы знаем, что после переселения печенегов на запад часть их осталась на прежних местах поселений и во времена Константина жила среди узов¹⁰⁵. Об этих восточных или «турецких» печенегах (в противоположность «хазарским») согласно свидетельствуют и восточные источники¹⁰⁶, впрочем, во всяком случае в начале X в., резко отличая их от огузов¹⁰⁷.

Восточные печенеги исчезают со страниц восточных нарративов (сохраняясь в географической литературе, повторяющей в этом случае старые сведения¹⁰⁸) к середине XI в. Зато именно ко второй половине XI в. относится первое свидетельство (МК) об огузском племени печенег. К этому же времени относится существенное изменение взаимоотношений между торками (узами) и печенегами в Восточной Европе.

Последнее наступление печенегов на Русь относится к 1034 г. После поражения, которое они потерпели, печенеги почти исчезают со страниц русских летописей, и если вновь появляются на них (с начала XII в.), то неизменно в связи с торками (под 1103 г.: Володимер... «заяша Печенѣги и Торкы с вежами»; под 1116: «бишася Половци с Торкы и с Печенѣги у Дона, и сѣкошася два дни и две ночи, и придоша в Русь к Володимеру Торци и Печенѣзи»; под 1121: «Прогна Володимер Берендичи из Руси, а Торци и Печенѣзи сами бѣжаша» и т. д.).

Мы видим, что как в Средней Азии, так и на границах Руси в это время происходят параллельные процессы, выражающиеся в тесном вхо-

⁹⁹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, 4-е изд., М.-Л., 1944, стр. 218—222.

¹⁰⁰ В. Г. Васильевский, Византия и печенеги, ЖМНП, 1872, №№ 11 и 12.

¹⁰¹ Marquart, Komapan, S. 26.

¹⁰² „Родословная туркмен“, стр. 65.

¹⁰³ МК, I, стр. 56—57.

¹⁰⁴ Там же, стр. 27.

¹⁰⁵ DAI, XIV.

¹⁰⁶ ХА, 19а; Minorsky, Цит. соч., стр. 101.

¹⁰⁷ Путешествие ибн-Фадлана на Волгу, стр. 65.

¹⁰⁸ Сравнительный анализ данных разновременных восточных источников о печенегах в связи с ними народами — см. С. А. Масартнеу, The Magyars in the ninth Century, Cambridge, 1930, p. 4 s.

ждении печенегов в систему огузского союза племен¹⁰⁹. Это событие, видимо, можно датировать довольно точно первыми десятилетиями XI в. — временем, когда и по всей полосе степей от Иртыша до Дуная разворачиваются слабо отраженные в источниках, но грандиозные по масштабу события, выразившиеся, с одной стороны, в наступлении узов и печенегов на Русь и Византию, в завоевании огузами (сельджуками) Средней и Передней Азии, с другой, — в широком движении на запад и на юг племен кимакской (йемекской) группы, из которых крупнейшую роль играет наиболее западная народность этой группы — кыпчаки (половцы). Одно сопоставление дат говорит достаточно красноречиво: в 1034 г. печенеги предпринимают отчаянный натиск на Русь и терпят жестокое поражение: «так погибоша, а прок их побъгоша и до сего дни». В том же году начинается энергичный напор печенегов на Византию¹¹⁰. В 1055 г. впервые появляются на границах Руси половцы¹¹¹. В 1055—1060 гг. разворачивается последняя жестокая схватка между наступающими на Русь торками и Русью. Под 1060 г. летопись рассказывает о гибели торков. Услышав о приближении русских войск, «убоясьшеся, пробъгоша и до сего дни, и помроша бѣгающие гоними, овии от зимы, друзии же голодом, инии же мором и судом Божиим, и тако Бог избави крестьяны от поганых»¹¹². Этот текст чрезвычайно важен, свидетельствуя об остром экономическом кризисе, переживаемом огузским союзом, без учета чего мы вряд ли поймем причины разворачивающихся политических событий.

Как и на русских и византийских границах, огузы появляются в Мавераннахре и Хорасане еще в X в., чаще в качестве наемников и мирных переселенцев, добывающихся у мусульманских правителей земель для поселения. Однако в 1033 г. эта инфильтрация приобретает характер мощного завоевательного движения: в 1033 г. в Хорасане разражается восстание огузов во главе с сыновьями вождей, истребленных в 1031 г. по приказу Мас'уда, сына и преемника Махмуда Газнийского. Восставшие прорываются в Иран, в сторону Рея, и в Ирак. В 1032—1033 гг. огузы во главе с внуками Сельджука получают мирным путем места для поселения в Хорезме. В том же 1034 г., однако, они с оружием в руках вторгаются в Хорасан. Еще шире движение разворачивается в последующие годы, завершаясь решительной победой над газневидами при Денданкане в 1040 г. — дата, с которой может начинаться история Сельджукской империи¹¹³.

Совпадение дат явно не случайное, свидетельствующее о том, что перед нами два проявления одних и тех же событий и одного и того же кризиса, разыгравшихся в местах поселения племен, объединенных рамками огузского союза¹¹⁴.

¹⁰⁹ Самостоятельность на недолгое время сохраняет лишь крайняя юго-западная пограничная с Византией группа печенежских племен (между Н. Дунаем и Н. Днепром), переживающая в 40-х гг. острый политический кризис коалиция 13 печенежских улусов (из сорока, упоминаемых Константином Багрянородным), возглавленная враждующими между собой вождями Тирахом и Кегеном. Видимо, ее и имеет в виду Махмуд Кашгарский, говоря об отдельных от огузов печенегах „у границ Рума“. Однако на протяжении 40—60-х гг. эти группы целиком переселяются на южный берег Дуная, на византийскую (частью на венгерскую) территорию и входят в систему этих государств. Уже в 1064 г. на Дунае появляются узы — см. Васильевский. Цит. соч., стр. 138.

¹¹⁰ Голубовский. Печенеги, торки, половцы, стр. 77; Васильевский Цит. соч., стр. 123, сл.

¹¹¹ Ипатьевская летопись, стр. 114—115.

¹¹² Там же.

¹¹³ В. В. Бартольд. Туркмения, I, стр. 25—26.

¹¹⁴ На связь этих событий обратил внимание еще Васильевский: „Если бы не опускалась из виду единоплеменная Печенегов и Сельджуков, то, без сомнения, история скорее заметила бы связь между переходом Печенегов за Дунай в пределы Византийской империи и успехами Сельджуков в Малой Азии“ (см. „Византия и печенеги“, стр. 122). Однако в последующей историографии это блестящее сопоставление Васильевского было забыто.

Что на обоих флангах огузского движения выступают не разрозненные племена общего происхождения, объединяемые общим именем, а, напротив, объединенные в единую, структурно выдержанную систему военного союза племена разного происхождения, можно заключить и из упомянутого выше единовременного, датируемого также серединой XI в. исчезновения печенегов как самостоятельного народа и включения его в систему огузского союза — и в Средней Азии и на границах Руси.

Мы лишь в незначительной мере осведомлены о родоплеменном составе торко-узских племен порубежий Южной Руси. Однако кое-что все-таки можно восстановить.

В летописи, наряду с именами печенегов и узов-торков, упоминается ряд названий тюркских племен, объединяемых в XII в. вместе с указанными двумя народами общим именем «черных клобуков». Это: берендъи (берендичи), каепичи, коуи (куи), боуты¹¹⁵. Как показал П. Голубовский¹¹⁶, по крайней мере первое из этих имен является наименованием одного из подразделений торков¹¹⁷, хотя нередко это имя (как и коуи) употребляется параллельно с именем торков.

Приводимые имена находят себе прямую параллель в наименованиях огузских племен у Махмуда Кашгарского и Рашид-ад-Дина.

Идентификация последнего среди приводимых выше имен вызывает наименьшие трудности. Торко-узское племя боут русских летописей не что иное, как баят (بیات) — одно из 24 племен огузов по спискам МК¹¹⁸, Р.-ад-Д.¹¹⁹, а также поздних малоазиатско-сельджукских памятников¹²⁰, тождественное с упоминаемым Мухаммедом Насави¹²¹ племенем йемеков баяут (بیاهوت), из которого происходила жена хорезмшаха Текеша (1172/3—1200), Туркан-хатун (من قبيلة بیاهوت عشیمة ترکان خاتون و هی قوع من قوع ی).

Имя коуи или куй весьма близко к занимающему одно из первых мест в перечнях огузских племен кайы (Р.-ад-Д.) или кайыг (МК), в той же самой окающей интерпретации, как и баят (баяут) — боут. Думаю, не исключено, что имя каепичи, встречающееся в иных текстах, чем коуи, — только искаженный вариант того же имени.

Наконец, имя крупного племени берендъев — берендичей я склонен сопоставить с именем баюндур (МК, Р.-ад-Д.) — байиндур (Языджи-Оглу-Али): путем метатезиса форма bayander как на тюрко-монгольской (ср. туркм., узб. *daɣa* ~ *daɣa*, *taɣa* ~ *taɣa*, *torɣa* ~ *tuɣa* и т. п., а также монг. меркит ~ мекрит, бекирин ~ кебирин¹²²), так и на русской почве вполне могла видоизмениться в берендъи. В таком случае, утя, что и имя печенег входит в число 24 огузских племен во всех списках, мы увидим, что из этих 24 племен 4 — кайы, баят, баюндур и печенег представлены в составе торко-печенежского населения Южной Руси в формах коуи, боуты, берендичи и печенеги.

Эти четыре племени занимают особое место в структуре огузского союза в том виде, в каком он выступает в сельджукскую эпоху в Иране и Малой Азии.

¹¹⁵ Голубовский, Цит. соч., стр. 147 сл.

¹¹⁶ Там же, стр. 148.

¹¹⁷ Ср. Ипатьевская летопись, стр. 170: „торчин, именем Берендъи“, Никоновская лет., II, стр. 22: „турчин именем Берендъи“.

¹¹⁸ МК, I, 56.

¹¹⁹ ТВО, VII, стр. 32.

¹²⁰ Бартольд, Туркмения, I, 27; В. А. Гордлевский, Государство сельджуков в Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 53; ср. стр. 45, где приводятся следы имен огузских племен (19 из 24) в анатолийской топонимике.

¹²¹ M. al-Nasawi, Histoire de Sultan Djelal ed-Din Mankobirti, par O. Houdas, Paris, 1891—1895, p. 25 (пер. 44); J. Margart, Komnenen, S. 167 ff.

¹²² Рашид-ад-Дин, ТВО, VII, стр. 70.

По турецкому переводу Равенди главный бек правого крыла общегузского войска всегда назначался из племен *кайы* и *баят*, главный бек левого крыла — из *баюндуров* и *печенегов*¹²³. Согласно Языджи-Оглу-Али, бейлербей правого крыла — *кайы* (после него в перечне родоначальников племен этого крыла назван *баят*), бейлербей левого — *байиндур* (после него — *бидженег*). Первые места среди перечня племен правого и левого крыла во всех Огуз-намэ, начиная с Рашид-ад-Дина, неизменно занимают эти две пары племен.

В целом можно сделать немаловажное заключение: в перечне торко-узских племен русских летописей фигурируют четыре наиболее влиятельных племени огузского союза, вокруг которых, вероятно, группировались остальные. Таким образом, мы убеждаемся в том, что всенно-административная система огузского союза в Восточной Европе и в Средней Азии оказывается тождественной в своих основных звеньях, причем завершение ее консолидации (включение баюндуров и печенегов) происходит одновременно в обеих областях, т. е., другими словами, огузы Сыр-дарьи и Восточной Европы до середины XI в. представляли единый союз племен или варварское государство, жившее общей жизнью. Огузский ябгу, резидировавший в Янгикенте, был, по всей видимости, правителем всего этого обширного, хотя, судя по дальнейшим событиям, и не особенно прочно сколоченного, политического объединения.

Политическое единство восточноевропейских огузов (торков) и огузов среднеазиатских ярко стражено в огузском фольклоре, в уйгурской версии Огуз-намэ¹²⁴. А. Н. Бернштам¹²⁵ сделал интересную попытку увязать некоторые места этой версии с данными русской летописи. Речь идет о рассказе о походе Огуз-кагана против Урум-кагана, т. е. византийского (румского) императора, и его брата Орус-бега (русского князя), о жестокой битве на реке Едиль-мурен (Волга) и о сыне Орус-бега, которому было поручено отцом охранять (саклап-) сильно укрепленный город между Тарангом (?) и (Едиль-) Муреном и который передал этот город Огузу, за что и получил от него имя Саклап (тюркская народная этимология имени *саклаб* — славянин; надо вспомнить, что всеми Огуз-намэ приписывается Огузу раздача построенных по этому же типу имен разным тюркским народам). Не думаю, чтобы А. Н. Бернштам был прав, привязывая этот рассказ точно к определенному эпизоду летописи — осаде Киева печенегами в 958 г. (Саклап — воевода Претичь, Урус-бег — Святослав). Вероятнее видеть здесь эпическое обобщение разных событий на значительном отрезке времени, однако в рамках между 965 (падение хазарского каганата) и 1043 г. (падение государства огузов). Бесспорно одно: циклизация героических сказаний о битвах на границах Руси и Византии с общим комплексом сказаний об Огузе могла произойти только в рамках политического объединения восточноевропейских и среднеазиатских огузских племен.

Вопрос о катастрофе, обусловившей центробежное переселенческое движение огузов на запад и юг (а что это была катастрофа, достаточно ясно из согласных свидетельств византийских, русских и восточных источников), требует специального исследования. Кимаки, западную ветвь которых представляли кыпчаки-половцы¹²⁶, в течение длительного

¹²³ В. В. Бартольд, Туркмения, I, стр. 32; ср. Гордлевский. Цит. соч., стр. 57.

¹²⁴ W. Bang und G. Rachmati, Die Legende von Oghuz-kagan, Sitzber. d. Preuss. Akad. d. Wiss. Ph.-Hist. Kl. XXV, Berlin, 1932, S. 15—17, ср. В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах, СПб., 1893, стр. 24—25.

¹²⁵ А. Н. Бернштам, СЭ, 1935, № 6, стр. 39, сл.

¹²⁶ О кимаках см. V. Minorsky, Hudud al-'Alam, комментарий, стр. 304—310, а также Мар VII, стр. 307, о кыпчаках — стр. 315—317. Кимаки от Iki-izak (Marquart, Osiatische Zeitschrift, VIII, 1920, S. 293 ff.). Махмуд Кашгарскому известно

временя были соседями гузов на среднем течении Сыр-дарьи. Вскрыть причины этого движения традиционной отмычкой механического передвижения племен по принципу снежного кома вряд ли возможно. Источники X в. рисуют кимаков (и, видимо, не без основания) как крайне отсталые, полудикие, охотничье-скотоводческие племена¹²⁷. Мы нигде не встречаем сведений об их сколько-нибудь прочном политическом объединении, даже в период завоевания. Все это делает весьма маловероятным предположение о том, что они могли разгромить сильное объединение печенежско-огузских племен, действия которых в это же самое время в Средней Азии против испытанных профессиональных войск газневидского государства не оставляют сомнения в высоких боевых качествах и военных потенциях огузов.

Распространять на движения XI в. аналогию с монголами XIII в. невозможно, как потому, что источники не дают нам права предполагать у кимаков, в частности у кыпчаков, что-нибудь подобное политической и военной организации Чингис-хана, так и потому, что невозможно понять победы последнего без учета влияния на монголов китайской военной техники и теории,— что ничем не доказано и невероятно для кимаков.

Все это заставляет искать первопричину исследуемых событий не в стихийном движении варварских племен с северо-востока, а во внутренних процессах, развивавшихся в самом огузско-печенежском обществе. А для понимания этих процессов у нас есть кое-какие материалы. И на западе — на рубежах Византии, и на востоке — на Сыр-дарье для X и, особенно, XI в. мы имеем свидетельства об острой внутренней борьбе среди огузских и печенежских племен, причем наиболее значительные движения — огузов в Мавераннахр и Хорасан и печенегов в Византию — явно вызваны не напором с тыла, а внутренними социальными причинами, лишь осложненными активностью северо-восточных соседей.

В 40-х годах XI в. среди печенегов на границах Византии (между низовьями Дуная и Днепра) разыгрывается острая внутренняя борьба, в которой можно уловить социальный оттенок. Вождем одной группировки выступает «Тирах, сын Калдаря, главный из князей печенежских, ради своего знатного происхождения пользовавшийся уважением», другую группу возглавляет Кеген, который, «не отличаясь знатностью рода, ...приобрел славу именно в удачных схватках с узами»¹²⁸. Дело доходит до открытой вооруженной схватки, в результате которой Кеген бежит в низовья Днепра, где сколачивает новые силы. Возглавив два племени печенегов, он выступает вновь против Тираха, однако снова терпит поражение (Тираху остались верными 11 племен печенегов) и в конце концов откочевывает в пределы империи, на правый берег Дуная. В тече-

только имя *Yimäk*. По Гардизи, кимаки состоят из 7 племен: *ими, ивак, татар, баяндур, кыпчак, нильказ и аджлад*, имена которых и передаваемая Гардизи историческая традиция показывают, что перед нами крайне смешанная группа, включающая в свой состав, в частности, заведомо монгольские элементы (татар, может быть, баяндур). На протяжении XI—XIII вв. кыпчаки становятся настолько могущественны, что йемеки рассматриваются ал-Барраком (1318) как род кыпчаков (Magqaqt, Komanep, S. 157; Minorsky, Op. cit., стр. 316). Источники согласно локализируют кимаков по Иртышу и даже за Иртышом, вместе с тем сообщая о том, что они граничат с мусульманскими владениями и гузами в районе Саурана (Макдиси, 274; Minorsky, 306) и что они на зиму откочевывают, по одним сведениям (Худуд ал-Алам, стр. 18 б; Minorsky, стр. 109, комментарий 306), в страну гузов, по другим (Гардизи, Бартольд, Отчет, стр. 107),— в отдаленную страну, в место, Ок-таг. Первоначальный центр кыпчаков, в соответствии с распространенной в литературе этимологией кыпчак-половец, от русск. „половый“—желтый, тюркск. *sağ* — желтый, Минорский (стр. 313) склонен предположительно искать в районе Сары-Су. Однако вся цепь этимологии мне представляется весьма сомнительной.

¹²⁷ Гардизи, текст в изд. Бартольда, Отчет о поездке в Туркестан 1893—1894 гг., стр. 107.

¹²⁸ Cedren, II, 583; Васильевский, Цит. соч., стр. 123.

ние ряда лет он, опираясь на Византию, ведет упорную борьбу против Тираха, закончившуюся разгромом последнего после первоначально победоносного его вторжения в пределы Византии.

На восточном конце огузско-печенежской территории, на Сыр-дарье, мы, правда в несколько более ранний период, видим аналогичные события. Еще в середине X в. отец Сельджука Тукак, по данным ибн-ал-Асира¹²⁹, обнаруживает расположение к исламу и вступает на этой почве в конфликт с ябгу огузов, закончившийся, однако, примирением. Сельджук, на первых порах сю-баши (главнокомандующий) ябгу огузов, вступает с ним в новый конфликт, откочевывает в область Дженда, принимает ислам и вступает с ябгу в открытую войну, действуя в союзе с мусульманским правителем Дженда¹³⁰.

Я склонен искать объяснения этой социально-политической борьбы, в последнем случае принимающей и религиозную окраску, в экономических процессах, связанных с развитием скотоводческого хозяйства огузско-печенежских племен, некоторые признаки которого мы можем извлечь из показаний источников. В частности, ибн-Фадлан говорит об огромных стадах, принадлежавших огузской знати и достигавших сотен тысяч голов¹³¹. Нам представляется наиболее вероятным видеть в этом результат быстрого роста товарности скотоводства, втягивания кочевников в систему товарных связей растущего феодального общества Средней Азии. Напомню, что именно X веком мы должны датировать особенно быстрый рост городов Хорезма¹³². О роли торговли скотом на хорезмских и сырдарьинских рубежах Средней Азии источники говорят нам для X в. более чем достаточно¹³³. Вместе с тем, те же источники рисуют нам отношение степных племен и среднеазиатских мусульманских государств в IX—X вв. совсем в иных красках, чем в предшествующий период, через который красной нитью проходит полоса победоносных завоеваний варварскими военно-рабовладельческими государствами степняков цветущих оазисов Средней Азии.

Прочный барьер против тюрков, созданный государствами Средней Азии в VIII—X вв., не мог не довести до крайнего предела тот веками назревавший внутренний кризис варварски-рабовладельческого хозяйства тюркских племен, проявления которого мы можем наблюдать уже в VI и, особенно, в VIII вв.¹³⁴.

Отношения обмена между степью и оазисом, между отсталым полуварварским миром тюркских и тюркизированных племен и вступившей в полосу нового расцвета городской цивилизацией Мавераннахра и Хорезма уже не могли разрешаться на путях войны, прямого грабежа и вывода колоний рабов-ремесленников в глубь степи. Ведущее место получала торговля, а основной товарной продукцией хозяйства степняков был скот. Отсюда быстрый процесс концентрации огромных масс скота в руках степной аристократии, отрыв ее от комплексного, полусоседного хозяйства основной массы населения и, соответственно, неизбежное стремление аристократии к расширению пастбищ, вступавшее в острое противоречие с традициями полусоседного, земледельчески-пастушеского быта народа. Однако крупное скотоводческое хозяйство знати не могло уничтожить у печенежско-огузских племен устойчивого оседлого быта и комплексного хозяйства народа, о чем свидетельствуют все данные, которыми мы располагаем и в русских, и в византийских, и в восточных источниках.

¹²⁹ Ибн-ал-Асир, ed. Tornberg. IX. стр. 321 сл.

¹³⁰ В. В. Бартольд. Туркмения, 1, стр. 20—21.

¹³¹ Путешествие ибн-Фадлана, стр. 65—66.

¹³² С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 14 сл.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же, стр. 256 сл.

Мы, во-первых, должны отметить общую закономерность распределения основных мест поселения огузско-печенежских племен XI—XII вв. как в Восточной Европе, так и в Средней Азии — в дельтовых областях рек Печенежский вождь Тирах живет в болотных местах «на нижнем течении Дуная»¹³⁵. Кеген, его враг, скрывается от него «в Днепровских болотах»¹³⁶. Печенеги и торки еще в 1116 г. ведут жестокую борьбу с кочевниками в низовьях Дона. Саксин, город «сорока племен гузов» XII в., локализуется в дельте Волги¹³⁷. В дельте Сыр-дарьи лежит основное ядро расселения среднеазиатских гузов.

Во-вторых, восточноевропейские «черные клобуки» выступают в XII в. как народ, обладающий многочисленными городами, как и гузы ал-Идриси. Под 1177 г. Ипатьевская летопись упоминает «шесть городов Берендиць». Широко известен летописи город Торческ — в XII в. главный город всего Поросья¹³⁸. В названиях населенных пунктов южных окраин Руси широко сохранились имена огузско-печенежских, черноклобуцких племен, свидетельствующие об оседлом быте этих тюркских поселенцев в пределах Руси¹³⁹. Еще в 40-х гг. XI в. Кеген, переселившись на территорию Византии, получает для печенежских поселенцев три крепости на берегах Дуная¹⁴⁰.

В-третьих, как археологические, так и исторические свидетельства говорят нам о земледелии у «черных клобуков» XI—XII вв. В могилах торков Поросья, наряду с типичным для «кочевников» инвентарем, мы постоянно встречаем серпы. Когда печенежские поселенцы в Болгарии восстают против Константина Мономаха, они вооружаются косами и серпами¹⁴¹.

Падение хазарского каганата открыло печенегам и огузам широкий путь на запад, что привело в X — начале XI в. к образованию огромной империи янгикентских ябгу¹⁴². Однако в самом размахе экспансии была ахиллесова пята этого варварского государства — последней из дофеодалных империй этого типа в предмонгольский период. Доминирующую роль в государстве играл уже не вооруженный народ-войско, а тянувшая в разные стороны полуфеодалная скотовладельческая знать. Экономические ее интересы, определявшиеся развитием товарного скотоводства, обуславливали процесс втягивания ее в систему соседних с огузами феодальных государств — Византии и Руси на западе, Хорезма и Мавераннахра на востоке. Это находит свое отражение и в идеологии: откочевавшие в Византию печенеги Кегена принимают христианство. Приверженцы Сельджука принимают ислам.

Разбросанное на огромном протяжении от Дуная до Сыр-дарьи локальными очагами в дельтах рек этой области, разлагаемое центробежными тенденциями знати, варварское государство огузо-печенегов лишь с огромным напряжением сил могло сдерживать напор своих северных соседей, хотя и более отсталых, но также переживавших отмеченный выше процесс перехода к крупному полуфеодалному скотоводству, если судить по цитированным показаниям Гардизи и Анонима Туманского, видимо даже в большем масштабе и более быстрыми темпами, что облегчалось отсутствием сильных земледельчески-оседлых традиций и

¹³⁵ Голубовский, Цит. соч., стр. 77.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Вестберг, ИАН, 1899, стр. 291; Marquart, Komaneh, S. 56, 102, 111; В. В. Бартольд, Туркмения, I, стр. 39.

¹³⁸ Голубовский, Цит. соч., стр. 139.

¹³⁹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, стр. 219.

¹⁴⁰ Васильевский, Цит. соч., стр. 124.

¹⁴¹ Там же, стр. 129.

¹⁴² Вопрос об участии огузского варварского государства в „борьбе за хазарское наследство“ разбирается нами в работе „Путь в Хвалисы (Русь и Хорезм в X—XI вв.)“ (в печати).

меньшей остротой противоречий между знатью и народом. Кимаки и, в особенности, кыпчаки были остро заинтересованы в том, чтобы пробить себе дорогу к рынкам среднеазиатских городов, в Причерноморье, Русь и Византию, которую преграждали огузские владения на Сыр-дарье и Нижней Волге и Дону. Видимо, на первых порах, в X и начале XI в., это решалось на путях вхождения северных племен в какие-то формы союзных отношений с огузами — мы видели, что уже в конце IX в., еще в процессе консолидации варварской империи ябгу, кимаки выступают как союзники огузов в борьбе с печенегами. Часть кимакских племен в этот период, по всей видимости, втягивается непосредственно в систему огузского союза и даже начинает играть там крупную роль (баяндур). Огузские традиции, отраженные в источниках XIV и последующих веков, неизменно рассматривают кыпчаков как «присоединившееся к огузам» племя, что, может быть, является отражением действительных элементов вассальной зависимости кыпчаков от огузских ябгу в период расцвета государства последних в X — начале XI в.

Однако события 30-х годов XI в. резко меняют характер взаимоотношений огузов и племен кимакской группы.

Падение государства саманидов, вызванное внутренними процессами развития феодальных отношений, открыло огузской аристократии широкие возможности для поисков нового пути выхода из кризиса. Откочевка Сельджука в конце X в. в область Дженда и рассказ о предшествующей этому борьбе его и его отца против ябгу огузов, резидировавшего в Янгикенте, и дальнейшее (или даже более раннее, если верить Хамдаллаху Казвини) движение сыновей Сельджука в Нуратинские горы — являются лишь слабым отражением в источниках кризиса последнего осколка западнотюркского каганата, варварского государства огузских ябгу, как и саманидское государство, отжившего свой век. Огузская знать, более подвижная, чем народная масса, предпочитает вместо возглавления обороны на Сыр-дарье вмешаться в сулящие богатые перспективы мавераннахрские дела.

Абульгази, опиравшийся на туркменскую письменную (а не только на устную, как думал В. В. Бартольд)¹⁴³ традицию, дает гораздо более яркую, чем более ранние источники, картину кризиса 30-х гг. XI в., окончательно разрушившего государство янгикентских ябгу. Абульгази явно не справился с поставленной им, согласно просьбам туркменских старейшин, задачей согласования и критической проверки различных версий туркменских Огуз-намэ, расположив обрывки из различных текстов в довольно произвольном хронологическом порядке. Так, интересующие нас события оказываются имевшими место после прихода монголов (стр. 55) и до выступления Сельджука (стр. 61). Несмотря на обусловленную этим хронологическую путаницу и анахронизмы, «Родословная туркмен», при критическом расчленении на ее составные компоненты и соответствующем их историческом анализе, может стать документом чрезвычайной важности не только для поздней, но и для ранней истории туркмен. Таким отрывком из какого-то, видимо, очень старого текста, является содержащийся на стр. 55—58 (текст стамбульск. издания, стр. 31 сл.) рассказ о восстании огузов про-

¹⁴³ В. В. Бартольд, Туркмения. I, стр. 36: «Абульгази, если не считать сведений, заимствованных у Рашид-ад-Дина, писал исключительно на основании устных рассказов». Напротив, сам Абульгази (Родословная туркмен. перев. А. Туманского, Асхабад, 1897; фототипическое издание текста см. Ebu'lgazi Bahadır, Secereî Terakime, Istanbul 1937) не раз отмечает письменные туркменские источники. Ср. стр. 2—3, где автор ставит своей задачей согласование различных, расходящихся между собой, многочисленных текстов Огуз-намэ, обращавшихся среди туркмен в XVII в. Ср. также стр. 63, где автор начинает рассказ о борьбе салоров и печенегов словами: «В другой грамоте говорится следующим образом...»

тив правителя Янгикента Али и его сына и наместника Шах-Мелика. Несомненно, тождественного с правителем Дженда Шах-Меликом, игравшим действительно очень крупную роль в событиях 30-х гг. Содержащийся в цитируемом тексте рассказ о разгроме войск Шах-Мелика находившимися в Хорезме огузами, под предводительством Тогрула, вводит нас в ту же обстановку: действительно, в 1034 г. поселившиеся в Хорезме огузы, во главе с внуками Сельджука, крупнейшую роль среди которых играл именно Тогрул, отбивают, при помощи хорезмшаха Харуна, нападение Шах-Мелика¹⁴⁴. Наконец, отца Шах-Мелика, по Абульгази, зовут Али. То же имя носит отец исторического Шах-Мелика. Тарих-и-Бейхак (л. 28 в — 29 а, цит. по Бартольд¹⁴⁵) именует Шах-Мелика, правившего некоторое время Бейхаком после изгнания из Хорезма в 1043 г., Абу-л-Фаварис Шах-Мелик б. Али ал-Беррани. Я думаю, что все изложенное не оставляет сомнения в датировке описываемых Абульгази событий¹⁴⁶ и в восхождении рассказа Абульгази к близкому к этим событиям неизвестному туркменскому литературному источнику. А если так, то текст Абульгази дает нам богатый материал для освещения событий 1034 г. с их внутренней стороны.

Мы прежде всего узнаем, что отец Шах-Мелика Али, явный мусульманин, был правителем Янгикента, т. е. наследником огузских ябгу Х в. Этим объясняется отмеченное источниками изменение отношений сельджукидов к мусульманскому правителю Дженда между 80-ми гг. Х и 30-ми гг. XI в. За эти 50 лет произошли, как мы видим, два крупных события: принятие ислама огузским ябгу и восстановление его власти над Джендом, в 80-х гг. им потерянным в результате первого выступления сельджукидов.

Из рассказа Абульгази мы видим, что Шах-Мелик, в качестве наместника своего отца управлявший Джендом, деспотически правил джендскими огузами, в результате чего между огузами вспыхнула жестокая междоусобная война, размах которой ярко отражен в приводимом Абульгази пророчестве огузского юродивого Миран-Кахена: «Скоро между огузовым племенем будет междоусобие, красная кровь, как черная вода, потечет, Али-хан скоро умрет, а на его месте будет падишах»¹⁴⁷.

Во главе восстания против Шах-Мелика стоит огузская знать. Это ярко выражено в словах везира Шах-Мелика Кузыджи, когда он излагает свой план подавления восстания: «Шах-Мелик, явившись, захватит их знать и убьет, дабы чернь покорилась сама»¹⁴⁸. Решающее сражение происходит, в соответствии с Бейхаки, в Хорезме и заканчивается победой Тогрула, пленением и смертью Шах-Мелика (что уже не точно: Шах-Мелик, как мы знаем, после этого успел еще побывать хорезмшахом и был взят в плен сельджуками гораздо позднее, в Мекране, после чего действительно был убит)¹⁴⁹.

Эти события приводят к полному и окончательному распаду государства ябгу, протекающему в условиях жестокой гражданской войны: «Когда весть об этом (поражении Шах-Мелика) дошла до Али-хана, он скоро умер. У огузова племени пошло так, что один с другим стал в отношении «канлы и учли». Настало время, что называется «ой башина

¹⁴⁴ Бейхаки, стр. 856 сл.; ср. Бартольд, Туркестан, II, стр. 316; его же Туркмения, I, стр. 25.

¹⁴⁵ В. В. Бартольд, Туркестан, II, стр. 323. Сыном Али именует Шах-Мелика и ибн-ал-Асир, IX—346 (МИТТ, I, стр. 372).

¹⁴⁶ В. В. Бартольд, изложив в своем «Очерке истории туркменского народа» сообщение Бейхаки о событиях 1034 г. (стр. 25) и анализируемый нами рассказ Абульгази (стр. 43), не заметил их связи, оценивая сообщения Абульгази лишь как предание «явно легендарного характера».

¹⁴⁷ Абульгази. Цит. соч., стр. 57.

¹⁴⁸ Там же, стр. 56.

¹⁴⁹ Бейхаки, стр. 867—868; и бн-ал-Асир, X, стр. 4.

Кара-хан» (во главе дома Черный Хан): один другого грабил и друг друга убивали»¹⁵⁰. Далее следует рассказ об откочевке огузов на Мангышлак, в Гиссар, в горы Абульхана (Балханы) и в Хорасан и об образовании государства сельджукидов, завершаемый грустными словами пословицы: «Закочевало огузово племя! Есть ли для него кочевья, есть ли для него стоянки?»

Вся эпопея борьбы Шах-Мелика сперва с сельджуками в присырдарьинских степях, затем — за власть в Хорезме и, наконец, с победоносными сельджукидами в Хорасане и других областях Ирана, по материялам Бейхаки и ибн-ал-Асира, рисовавшаяся как цепь авантюры мелкого феодального князька, выступает, при учете данных Абульгази, в новом свете. Шах-Мелик, наследник и соправитель янгикентского ябгу, возглавляет опирающуюся на «города гузов» «староогузскую партию», пытающуюся задержать распад государства ябгу и, путем унии с Хорезмом, влить в него новые силы. И даже, когда в 1043 г. победоносные сельджукиды уже из Хорасана подчиняют Хорезм, Шах-Мелик не складывает оружия, перенося борьбу в область, вновь завоеванную его непокорными подданными. Но это — уже совсем безнадежная борьба. 1043-м годом можно по существу датировать падение государства ябгу.

Кризис этого государства, приведший к разрыву его растянутых коммуникаций, открыл ворота для движения кыпчакских племен на Сырдарью и в Восточную Европу, где половцы впервые появляются в 50-х годах XI в., подчиняя и тесня перед собой осколки отрезанных от уже павшего янгикентского центра печенежско-огузских племен.

Если на западе, на границах Византии и Руси, наступательное движение огузов потерпело крушение и привело либо к порабощению огузов половцами, либо к более или менее добровольному подчинению их Руси, — на юге благоприятно сложившаяся в связи со смертью Махмуда Газнийского политическая обстановка привела не только к широкому расселению огузов в Средней и Передней Азии, но и к подчинению этих стран династии огузских вождей, которые, впрочем, как правильно отмечает в соответствии с более ранними источниками Абульгази «(туркменскому) народу и племени пользы не принесли»¹⁵¹.

Как мы видели выше, для придонских огузов и, как известно, для сырдарьинских¹⁵² эта откочевка не была и не могла быть абсолютной. Значительные массы оставшихся на месте огузско-печенежских «ятуков» и на Дону и Волге и на Сыр-дарье были вынуждены подчиниться кыпчакско-кимакским завоевателям. Однако уже скоро потомки покоренных начинают играть в составе нового смешанного населения выдающуюся роль: я имею в виду племя баяут — несомненно, те же боуты или баяты, в XII в. выступающие как наиболее влиятельное племя в составе кимаков (йемеков), по одним источникам, канглы — по другим. Да и само имя канглы, появляющееся лишь в это время, видимо, связано с древним печенежским именем кангар (~ кенгерес)¹⁵³, покрывая свое политическое и этническое объединение, консолидировавшееся на базе смешения аборигенных огузско-печенежских и пришлых кимакско-кыпчакских элементов.

Мы должны здесь остановиться на одном существенном этнонимическом вопросе — на вопросе о происхождении и истории термина каракалпаки («черные клубуки»).

¹⁵⁰ Абульгази, Цит. соч., стр. 58.

¹⁵¹ Там же, стр. 61.

¹⁵² Там же, стр. 59; ср. В. В. Бартольд, Туркмения, I, стр. 42.

¹⁵³ Maghiart, Komanen, S. 26. Характерно, что у Нувейри (Тизенгаузен, Сб. мат. по ист. Золотой Орды, I, стр. 541) среди кыпчакских племен фигурирует племя кангуоглы или кангар-оглы, откуда, видимо, стяженная форма канглы.

Термин этот раньше всего зарегистрирован на Руси, где он впервые упоминается летописью в середине XII в. Если бы «черные клобуки» — имя покрывающее имена торков, печенегов, ковуев и берендеев¹⁵⁴ — употребляющееся параллельно с ними, было общим самоназванием племен огузско-печенежского союза, оно, несомненно, появилось бы на страницах летописи гораздо раньше, ибо и торков-узов, не говоря уже о печенеггах, Русь знала уже с X в. Между тем, именно после походов Мономаха, к середине XII в., когда появляется имя «черных клобуков», дипломатические связи Руси и половцев, закрепляемые многочисленными брачными союзами князей, становятся особенно тесными (первый такой брак зарегистрирован в 1094 г.¹⁵⁵). Есть все данные полагать, что к этому времени знание половецкого языка стало на Руси массовым явлением. Поэтому наиболее вероятно предположить, что несомненно тюркский, но до этого нигде на востоке не зарегистрированный, термин «черные клобуки» является термином половецкого языка, заимствован русскими от половцев и, по всей видимости, прилагался последними ко всей совокупности полуоседлых племен огузско-печенежского союза, действительно отличавшихся от восточных пришельцев своими черными шапками.

Этот собирательный термин, так сказать неофициального характера, вероятно, был изобретен кыпчаками достаточно давно¹⁵⁶ и применялся, конечно, прежде всего к приаральской части огузско-печенежского объединения. Он продолжал, судя по его дальнейшей истории, применяться также в качестве неофициального собирательного имени к «носителям черных шапок» — как к осевшим на рубежах Руси огузо-печенегам, так и к оседлому или полуоседлому населению Приаралья уже смешанного или, во всяком случае, «кыпчакизированного» по языку характера, сохранявшему древние культурные традиции огузо-печенегов; этот же термин, пройдя через бурю монгольского нашествия, после распада основанных монголами государств снова выплыл в XVI в. на поверхность как уже «официальное» имя и самоназвание консолидировавшейся к этому времени на базе этого древнего этнографического субстрата, сильно, конечно, модифицированного событиями монгольской эпохи, каракалпакской народности.

В этой связи представляют большой интерес предания туркмен и каракалпаков о переселении тех и других из Туркестана в места нынешнего обитания, обнаруживающие ряд интереснейших параллелей и неизменно связанные с образом Ходжа-Ахмеда Ясави, известного суфийского деятеля XII в. — что, на наш взгляд, позволяет видеть в этих преданиях, несмотря на крайне фантастический их характер, отголосок близких ко времени Ходжа-Ахмеда действительных событий XI в., т. е. тех самых,

¹⁵⁴ Голубовский, Цит. соч., стр. 119.

¹⁵⁵ Там же, стр. 172.

¹⁵⁶ Указанием на раннее бытование этого термина у кыпчаков на востоке может служить впервые отмеченное П. П. Ивановым в его посмертной работе «Новые данные о каракалпаках» (СВ, VII, 1945, стр. 62) упоминание имени «Калпак» в качестве личного имени одного из военачальников 7500 тюркских наемников хорезмшаха Аллунташа (1017—1032). Этот «Калпак» возглавил движение «гулямов и всадников», которые покинули хорезмшаха и удалились в степь. Вскоре, впрочем, они раскаялись и вернулись обратно (Бейхаки, ed. Morley, стр. 852—853; цит. по П. П. Иванову, Указ. соч., стр. 62). П. П. Иванов совершенно прав, видя в слове «Калпак» не личное, а этническое имя, и связывая его с именем каракалпаков. Однако я не думаю, что с ним можно согласиться в том, что прибавка «кара» появилась позднее (стр. 63). Напомню (помимо того, что этническое имя «калпак» без определения теоретически невероятно и нигде не зарегистрировано), что русские летописи постоянно употребляют наряду с «черными клобуками» просто «клобуков», причем нередко в качестве собирательного имени, в единственном числе — «Клобук» (ср. Ипатьевская летопись, стр. 230 под 1146 г.: «И поиде Изяслав к Дерновуму и ту совокупишяся вси Клобуци и Поршане» и т. п.). Я думаю, что и «Калпак» ал-Бейхаки, как и «Клобук» летописей, сокращение кыпчакского прозвища огузо-печенегов — «кара-калпак».

анализом которых мы занимались выше. Ввиду интереса этих преданий я позволю себе привести их полностью.

Хорошхин¹⁵⁷ в начале 70-х гг. прошлого века записал следующее предание нуратинских «туркмен» об их происхождении: «По поводу поселения туркменов в названных выше местностях существует между ними весьма оригинальное предание, которое я и привожу здесь: г. Туркестан был когда-то местом жительства (а теперь стал могилой) известного мусульманского святого, Султана Ахмеда-Ясави, родом узбека (большая редкость, 90% мусульманских святых — арабы, персы или таджики). Из табунов святого Ахмеда пропал однажды конь... Святой заподозрил в краже коня двоих туркменов, которые все без исключения кочевали в окрестностях Туркестана. Туркменов этих звали: Акман и Караман. Они обиделись на подозрения и решили отомстить: тайно свели одного из своих коней в конюшню Ахмеда, а потом, в свою очередь, объявили на него свои подозрения. Ахмед решил тем, что приказал всем туркменам удалиться из окрестностей Туркестана, как недостойным еорам и мошенникам; туркмены тронулись через пески Кызыл-Кум на юг. Много потерпели они горя во время этого путешествия, а потомки плутов Акмана и Карамана по воле святого, пройдя пески, окончательно выбились из сил и осели в горах Нурата, будучи не в состоянии идти далее; прочие родичи их ушли за Аму и дальше, на места более благодатные».

Т. А. Жданко в 1945 г. в колхозе им. Куйбышева Кенесского аулсовета Чимбайского района Каракалпакской АССР записала от 75-летнего каракалпака Бердымурата Бегимбетова из рода Майлибалта (племя кыпчак) очень близкий вариант сказания: «В Туркестане тогда еще был жив Ходжа-Ахмед Ясави. Он обратился к йомудам с угрозой — если они не оставят в покое каракалпаков, он их накажет. Тогда йомуды украли одну скотину, зарезали и положили в мечети, чтоб в этом преступлении обвинили Ясави. Человек, у которого украли скотину, пришел к Ходжа-Ахмеду и спросил, не знает ли он, где украденная скотина. Ясави сказал: нет. Тогда нашли скотину у него в мечети. Он очень рассердился, превратил воров в двух собак и приказал им есть йомудов. Туркмены бежали на Мангышлак (теке), а задние (йомуды) были еще в Хорезме на пути. С этими йомудами были один каракалпак и его сестра, бывшая замужем за туркменом. Собаки стали их догонять. Тогда каракалпак обратился в Хиве к святому Палвану — просил приказать собакам, чтоб они его не съели, так как он не туркмен. Палван дал ему право прочесть молитву и стрелять в собак, которых туркмены убить не могли. Каракалпак их убил. Ходжи-Ахмет Ясави, когда узнал об этом, сказал, что жаль — он хотел, чтоб туркмен совсем не оставалось на землях каракалпаков, а так их немного все же осталось и они еще смогут когда-нибудь начать снова нападать на каракалпаков. Так действительно и случилось»¹⁵⁸.

Та же собирательница записала в 1946 г. от 70-летнего каракалпака Утегена Еримбетова из рода Колдаулы (племя конграт) в колхозе Кенес Кунградского района Каракалпакской АССР еще два варианта той же легенды.

1. «В Туркестане жили два брата Акбан и Караман¹⁵⁹ из рода теке-туркмен; оба они были баями и биями и отличались жестокостью (зорлукши, зулум адам). Они собирали салгыт (дань, налог) со всех

¹⁵⁷ Хорошхин, Сборник статей, касающихся до Туркестанского Края, СПб., 1876, стр. 513.

¹⁵⁸ Пользуюсь случаем выразить благодарность Т. А. Жданко, любезно предоставившей мне свои неопубликованные материалы по генеалогическим преданиям и родоплеменному составу каракалпаков, цитируемые ниже.

¹⁵⁹ Ср. Акман и Караман записи Хорошхина.

родня, живших в Туркестане. Однажды они советовались друг с другом, обсуждали вопрос: кто еще не платит им салгыт? Выяснилось, что не платит Ходжа-Ахмед Ясави. «Что же нам делать?» Решили зарезать лошадь и ночью положить ее в мечеть Ходжа-Ахмеду, как будто он сам ее украл и зарезал. На следующий день они пришли к ишану с жалобой, что они потеряли лошадь, не знает ли он, где она. Тот ответил, что не знает. Тогда они пошли в его мечеть, нашли там под шептой зарезанную лошадь и стали поносить и ругать ишана: «Ты вовсе не святой, ты украл нашу лошадь, вот мы ее у тебя нашли». Оскорбленный ишан заплакал, а затем прочел молитву и сказал: «Ит болгайсан» (будь собакой). И оба бия превратились в двух собак. Собаки бросились к мертвой лошади и стали ее жрать. Тогда Ходжа-Ахмед Ясави обратился к народу: «Видите этих собак? Пока они заняты едой, торопитесь откочевать отсюда».

Первыми начали откочевывать туркмены. Они шли безостановочно 10 дней, но к этому времени собаки кончили есть лошадь и бросились преследовать туркмен. Услышав, что за ними гонятся собаки, туркмены решили каждый день бросать им на съедение одну девушку и, пока они будут заняты едой, — уходить дальше. Так прошло несколько дней, очередь дошла до одной девушки, у которой был старший брат. Ее связали и бросили. Девушка заплакала и стала упрекать брата: «Ты мой родной брат, неужели оставишь меня здесь и отдашь собакам, а сам уйдешь?». Брат остановился, у него были лук и стрелы; он дождался собак, чтоб убить их. Первая собака уже приблизилась к девушке и набросилась на нее, в это время жигит схватил лук и при этом сказал: «Это руки не мои, это руки Ходжа-Ахмеда Ясави». После этого он выстрелил из лука и попал в собаку. Собака упала, но не издохла, а стала говорить: «Я прогнала вас из Туркестана, но благодаря этому ушедшие впереди дошли до таких мест, где даже собачьи кормушки (итаяк) делают из золота, а задние дошли до таких мест, где даже стельки в сапогах (ултарак) делают из серебра. Мне жаль тебя, если бы ты в меня не стрелял — и ты дошел бы до тех мест, где итаяки золотые». С этими словами собака издохла.

Местность, где золотые итаяки, — это был Атрек и окрестности Гургена. А где серебряные ултарак — река Теджен, Большие и Малые Балханы».

2. «Ктаи украли у Ходжа-Ахмеда Ясави «шимилдык» (занавеска, полог). Он стал искать его, спрашивать у всех. Ктаи говорят: «Наверное, кыпчаки взяли!» А кыпчаки говорят: «Нет, наверно ктаи взяли!» Но Ходжа-Ахмед, будучи святым, узнал, что воры — ктаи. Тогда ктаям стало стыдно смотреть ему в глаза, и они откочевали. За ними стали откочевывать кыпчаки и кенегес-мангыты, и все онто́ртру так откочевали за ктаями. В Туркестане осталось мало каракалпаков, их стали обижать соседние народы, потому и остальным племенам пришлось впоследствии оттуда уйти».

Сопоставляя эти легенды, где историческое сказание (нельзя не обратить внимание на тождество имени Карамана нуратинского и каракалпакского преданий с именем Карамана, — по Абульгази, одного из огузских вождей в период их откочевки с Сыр-дарьи¹⁶⁰) переплелось с архаическими этногоническими мифами, носящими явную тотемическую окраску, и религиозно-нравоучительными анекдотами, мы не можем не обратить внимания на выступающую в них тесную взаимосвязь туркмен и каракалпаков, которую не уничтожают отраженные в сказаниях традиции о туркмено-каракалпакской вражде. В двух вариантах Утегена

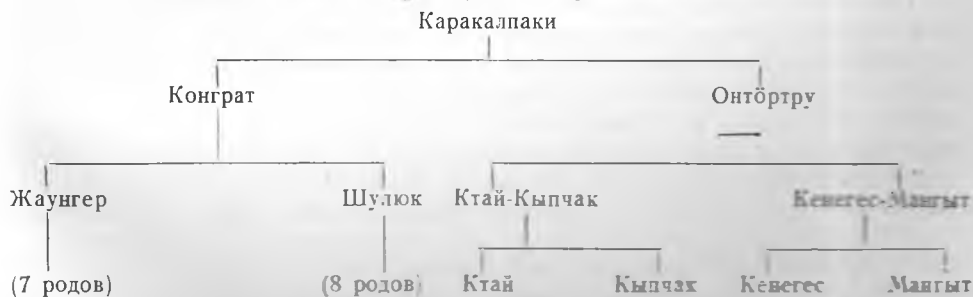
¹⁶⁰ Абульгази, Цит. соч. Имя Караман до сих пор носит один из трех основных отделов племени салыр.

Еримбетова мы собственно видим параллельные тексты, в одном из которых роль оскорбителей Ходжа-Ахмеда играют туркмены, в другом — каракалпаки. В тексте Бердымурата Бегимбетова подчеркнута брачная взаимосвязь каракалпаков и туркмен и роль каракалпакского джигита в спасении туркмен от гибели. Утеген Еримбетов дает в другом своем рассказе чрезвычайно интересную формулировку родственных отношений туркмен и каракалпаков: «Туркмены происходят от двух предков: Сеиль-хана и Теке-туркмена, близкого к каракалпакам, и теке можно даже считать каракалпакским родом»¹⁶¹.

В связи с текстом Хорошхина небезынтересно обратить внимание на родоплеменной состав нуратинских «туркмен», которым сказание уделяет особое место. В нем обнаруживается тесная взаимосвязь их с каракалпаками и узбеками¹⁶². По данным комиссии по национальному размежеванию Средней Азии, нуратинские «туркмены» делятся на ряд родов: казаяклы, богайджалы, кенджигалы и ойтамгалы. Из них казаяклы по имени тождественны крупному подразделению каракалпакского племени ктай и одному из родов отделения каракалпаков-конгратов — джаунгыр. Имя кенджигалы зарегистрировано как имя крупного рода каракалпаков племени кыпчак. Как эти имена, так и имена богайджалы и ойтамгалы известны у узбеков племен найман, конграт и кенегес. Из 10 имен родов лишь одно — барак — находит себе параллель у туркмен (йомудов). Характерно, однако, что традиция деления на 24 племени сохранилась и у нуратинских «туркмен». В. Мошкова сообщает, что четыре основные племенные группы этих «туркмен» составляют, «по народным представлениям, группу «24 отцов»¹⁶³.

Существенно отметить, что именно у каракалпаков и у близко родственных им хорезмских узбеков сохранилась одна особенность военно-племенных союзов XI в., находящаяся в противоречии с гуннской схемой деления на 24 племени (по формуле 1 : 2 : 3 : 4), и зарегистрированная Константином Багрянородным у печенегов Восточной Европы¹⁶⁴, у тесно связанных с ними мадьяр X в.¹⁶⁵ Ибн-Фадлан сигнализирует ее наличие у камских булгар в X в.¹⁶⁶ Я имею в виду деление на два крыла, далее — на 4 основных подразделения, в ряде случаев затем делящихся каждое еще на два, давая в конечном итоге систему восьми племен, в наиболее полных генеалогиях распадающихся каждое на 5 (всего 40) родов. Таким образом, если гунно-огузская схема может быть выражена формулой 1 : 2 : 3 : 4, то формула «печенежская» будет: 1 : 2 : 2 : 2 : 5.

Современная генеалогическая структура каракалпаков, по данным Т. А. Жданко, дает нам следующую схему:

¹⁶¹ Ср. Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, II, стр. 66.

¹⁶² „Территория и население Бухары и Хорезма“, I (Бухара), стр. 175—179, 204—206.

¹⁶³ Советская этнография, 1946, № 1, стр. 242.

¹⁶⁴ ДАИ, XIV (о восьми племенах печенегов, делящихся (по 4) на 2 группы, на восток и на запад от Днепра, и о 40 родах, на которые распадаются эти племена).

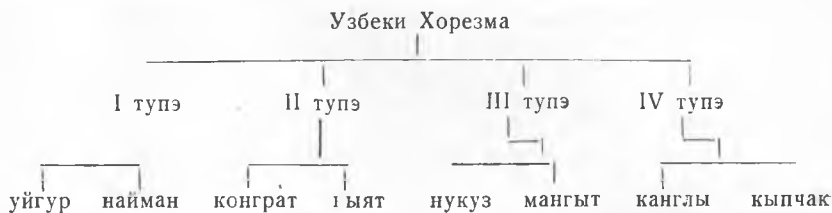
¹⁶⁵ Там же, XL (о восьми племенах мадьяр).

¹⁶⁶ Путешествие ибн-Фадлана, стр. 67 (о четырех „царях“, бывших „под рукой“ царя булгар).

Мы видим, что если у конгратов отмеченная выше схема прослеживается на 2 ступени, давая отступление от основной формулы в третьей, то «онтортру» дают нам полное сохранение классической «печенежской» схемы 1 : 2 : 2 : 2.

Эта же тенденция четверного членения может быть прослежена и у отдельных подразделений каракалпаков: 4 основных деления конгратов-ашамайлы, 4 основные линии конгратов-колдаулы («торт ата колдаулы»: по преданию колдаулы переселяются в Хорезм, имея во главе четырех братьев — баев), 4 основных рода мюйтенев, 4 «сана» приморских («нижних») каракалпаков, упоминаемых Рычковым, 4 рода «потомков Танке» у ктаев. Отметим вместе с тем, что зарегистрированное Константином Багрянородным деление 8 основных печенежских племен на 40 мелких подразделений (дальнейшая проекция четверного деления с вероятной формулой 1 : 2 : 2 : 2 : 5, ср. род бес-сары у каракалпаков ктай) мы находим и в каракалпакских преданиях: в Шеджере Бердаха рассказывается о посылке каракалпаками к Чингису 40 представителей от элей и уругов¹⁶⁷, в легенде ктай-каракалпаков о Батыр-хане рассказывается о 40 каракалпакских визирях этого хана. Любопытно также фантастическое предание о происхождении рода кырк (того же племени ктай) от 40 сыновей, рожденных их прародительницей в четыре приема.

Узбеки Хорезма в XVI—XIX вв. (Абульгази¹⁶⁸, Мунис¹⁶⁹, Муравьев¹⁷⁰) делились на 4 «булюка» (Абульгази) или «тупэ» (Мунис), каждое из которых в свою очередь состояло из 2 «родов» (племен):

Характерно, что при проведении своей административной реформы Абульгази (по Мунису), устанавливая 32 высшие государственные должности, во всех тех случаях, когда эти должности связаны с территориальным или племенным делением, назначает по четыре одноименных должности: 4 аталыка, 4 инака, 4 мираба, 4 бия, 4 чагатайских инака¹⁷¹.

Очевидная искусственность этого деления выступает не только в списке узбекских родов (resp. племен) современного Хорезма, где их значительно больше, но и у Муниса. Последний перечисляет также значительно больше родов, которые, однако, в виде «присоединенных» к основным втискиваются в ту же восьмиричную схему: «К ним (кыпчакам) присоединил он (Абульгази-хан) четырнадцать родов, которые и носили название «онтуртуруг» («14 родов», ср. деление онтортру у каракалпаков.— С. Т.). Джелаиры и али-эли (туркменское племя.— С. Т.) были присоединены к кыятам, кенегесы — к нукузам, а ходжа-эли — к мангытам. Дурманы, юзы и минги были присоединены к уйгурам, а потомки пророка — шейхи — к найманам»¹⁷². Мы видим здесь то же явление, что

¹⁶⁷ Ср. „40 племен гузов“, владеющих в XII в. Саксином (Marquart, Kompen, S. 102).

¹⁶⁸ Абульгази, Шеджере-и-тюрк, ed. par Desmaisons, texte стр. 223.

¹⁶⁹ Фирдаус-ал-Икбаль, 65 б.

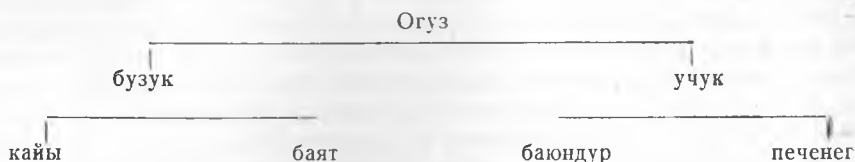
¹⁷⁰ Н. Муравьев, Путешествие в Туркмению и Хиву, II, стр. 36.

¹⁷¹ Фирдаус-ал-Икбаль, Там же.

¹⁷² Фирдаус-ал-Икбаль, 65 б; ср. МИТТ, II, стр. 328.

и в отношении туркменской схемы «24 племен», с той разницей, что в основу положена иная традиционная формула, под которую подгоняется реальная структура объединения племен.

Напомню, что в огузском союзе «беки правого и левого крыла» выделялись лишь из четырех племен по схеме

Это заставляет нас видеть в огузской системе скрещение двух структурных принципов: древнего местного с формулой 1 : 2 : 2 : 2 : 5 и гуннского с формулой 1 : 2 : 3 : 4 ¹⁷³.

Все изложенное выше позволяет еще раз вернуться к основной теме нашего исследования. Как известно, каракалпаки в XVIII—XX вв. являются наиболее характерными представителями комплексного, скотоводчески-рыболовно-земледельческого хозяйства в условиях дельтового режима, которое в свете наших материалов не может, нам думается, уже рассматриваться как результат относительно недавнего процесса «оседания кочевников», а, напротив, выступает как древняя форма, предшествующая, а впоследствии соопустствующая развитию собственно кочевого хозяйства, окончательно складывающегося в Средней Азии лишь вместе со средневеково-феодальным строем, т. е. к X—XI вв. Характерно, что крайне архаический каракалпакский эпос об амазонках — «Кырк-кыз», посвященный подвигам воинственной защитницы интересов предков каракалпакского народа — Гулаим и ее сорока (матриархальный аспект той же генеалогической схемы!) сподвижниц, рисует нам тот же комплексный тип хозяйства, сочетаемый с оседлостью.

Отец Гулаим — Аллаяр живет «в городе Саркоп» ¹⁷⁴. Гулаим получает оттуда во владение остров «Миуели» (Плодородный), где строит великолепно разукрашенную крепость ¹⁷⁵.

Высокие места острова
 Парной упряжкой распахали,
 Места, что были покрыты солью,
 Ценным удобрением удобрили,
 Произвели полив до насыщения земли влагой
 Цветник-сад развели ¹⁷⁵.

Крепость на острове, окруженная посевами, не может не возбудить ассоциаций с нашими «болотными городищами» района Янгикента, перебрасывая мост между каракалпакской оседлостью XVIII—XX вв. и печенежско-огузской оседлостью I тысячелетия н. э. и более раннего времени.

VI. Некоторые выводы

Наше исследование приводит нас к двум группам выводов. Одна из них относится к вопросам истории хозяйственно-бытового уклада тюркских народов Аральского бассейна; вторая — к вопросам этногенеза.

¹⁷³ Тенденция к формуле 1:2:2:2:л весьма характерна для современных туркменских племен, особенно для теке и эмерли. Тенденция к огузской формуле 1:2:3:4 может быть отмечена у йомутов по линии байрам-чани — орсукчи.

¹⁷⁴ «Кырк-кыз», стр. 1. Цитирую по подстрочному переводу У. Кожурова, любезно предоставленному мне автором. Подлинный текст, с которым я имел возможность ознакомиться в Нукусе, сейчас мне недоступен.

¹⁷⁵ Там же, стр. 4.

¹⁷⁶ Там же, стр. 4—5.

Мы видим, что «города гузов» ал-Идриси — не досужий домысел испанского араба. Представление о характере и истории кочевого хозяйства тюркских народов должно быть уточнено. У аральских племен как дотюркского, так и тюркского периода до XI в. доминировало комплексное, оседлое или полуседлое, скотоводчески-рыболовно-земледельческое (культура проса) хозяйство, связанное с наличием крупных укрепленных постоянных поселений — «городов», локализующихся у воды, чаще всего в хорошо естественно орошенных и изобилующих рыбой дельтовых районах, являвшихся местом наибольшего тяготения степных племен и объектом жестокой межплеменной борьбы. Представление об их чисто кочевом быте, широко отраженное в литературных источниках, восходящих к отчетам чужеземных наблюдателей, навеяно, с одной стороны, относительно легкой подвижностью этих племен, определяемой тем, что главным их богатством являлся скот, с другой — наличием у них черт кочевого быта, в частности — кочевых жилищ, развившихся из потребностей полукочевого пастушеского скотоводства, а также полукочевого дельтового земледелия. «Оседание кочевников», рассматриваемое обычно как относительно позднее или, во всяком случае, связанное с упадком кочевого хозяйства явление, на деле имманентно самому «кочевому хозяйству», восходя к глубочайшей древности, к доскотоводческому оседло-рыболовческому хозяйству неолита, что ярко сигнализируется фактами языка, свидетельствующими о рыболовстве как основе оседлости и о сохранении в тюркских языках древнего термина для «города» (балык), восходящего к понятию «рыболовное поселение на болоте». Не «оседание бедняков», а отрыв стад богачей от древних оседлых поселений является движущей силой процесса образования настоящего кочевого хозяйства с развитым циклом, датируемого, по крайней мере для Средней Азии, временем не раньше X—XI вв. н. э. Оседлый «джатак» («ятук» Махмуда Кашгарского) древнее кочевого бая.

Повидимому, насколько можно заключить из данных, которыми мы располагаем для других районов кочевого хозяйства, процесс и там шел аналогичным путем. Свидетельством тому является хазарское «полукочевое» земледелие, сочетающееся с рыболовством, «хакасское» (енисейско-кыргызское) ирригационно-земледельческое хозяйство, пережиточное, но по всем данным, весьма архаичное, комплексное хозяйство якутов, вряд ли объяснимое целиком географическими условиями, полуседлый характер хозяйства киданей и, наконец, упомянутые факты языка.

Вторая группа выводов, нам кажется, позволяет несколько дополнить наши сведения по этногенезу тюркских народов Средней Азии — туркмен, каракалпаков, узбеков и отчасти казахов. Мы можем теперь наметить следующие этапы этого процесса.

1) Основой его являются древние сакско-массагетские племена — «массагеты болот и островов», апасиаки (водные саки), говорившие, видимо, на различных, частью на архаических индоевропейских, частью, возможно, на протоугорских (ср. тесную связь печенегов и мадьяр-башкир и участие последних в истории племен Приаралья в IX в.) языках и сохранявших, в условиях отсталого района Приаралья, традиции местного бронзового века. Под влиянием хорезмийской культуры эти племена около начала нашей эры в той или иной мере воспринимают язык сарматского (североиранского) типа и выступают под именем алан, арсиэв (аорсов) или асов (ясов, ятиев).

2) Начиная с I в. до н. э. идет инфильтрация в эту среду хуннских элементов с востока — из Семиречья вниз по Сыр-дарье, завершающаяся в IV в. н. э. образованием в низовьях Сыр-дарьи центра гунно-аланско-массагетского варварского государства кидаритов-эфталитов и формированием смешанной массагето-алано-гуннской культуры и, вероятно, языка. Потомки тюркизированных в VI—VII вв. эфталитов-кидаритов

выступают в VIII—XI вв. под собирательным именем огузов — как на своей древней территории, где продолжает жить наиболее стойко гуннская политическая традиция, так и на южных и восточных окраинах области экспансии эфталитского государства (токуз-огузы — имя, впоследствии в Восточном Туркестане переходящее на уйгуров).

3) С VI в. в эту среду внедряются аварские и собственно тюркские элементы, ассимилирующиеся с местной этнической средой. Видимо, с аварским движением связано появление в составе огузских племен восточных, возможно, древнемонгольских компонентов — племен кайи и баят (баяут), занимающих доминирующую роль в формирующемся огузском союзе, которую они делят с сильной местной народностью печенегов — видимо, наиболее непосредственных потомков древних приаральских племен.

4) В X—XI вв. термином «огузы» покрывается конгломерат связанных союзными отношениями племен различного происхождения, говорящих на различных языках, без особых признаков доминирования диалектальных особенностей юго-западной тюркской ветви, объединенных властью огузских ябгу Янгикента, в период между 60-ми годами X и 30-ми годами XI в. расширяющих свои владения до южных пределов Руси. Еще более широкий смысл вкладывается в термин «туркмен», лишь позднее становящийся синонимом огузов и значительно позднее получающий свой современный смысл.

5) Развитие крупного товарного скотоводства печенежско-огузской аристократии, стимулированное ростом ремесленной промышленности среднеазиатских городов X в. и широким развитием торговли между степью и оазисами, создает острое противоречие между оседлым комплексным натуральным хозяйством народных масс и развивающимся в сторону кочевничества хозяйством аристократии, требующим широкой экспансии в целях расширения пастбищных угодий. Нарастание кризиса выражается в откочевке значительных групп скотовладельческой аристократии в пределы Хорезма, Мавераннахра, Хорасана, Руси и Византии, ослабляющей политические связи варварского государства огузских ябгу Янгикента.

6) Движение кимаков и кыпчаков из Прииртышских областей, обусловленное особенно быстрым развитием у них кочевого скотоводства, ведет к частичному вытеснению печенежско-огузских племен из бассейна Нижней Сыр-дарьи, отложившемуся не только в туркменских, но и в каракалпакских сказаниях. На почве скрещения древнего массагетогунно-огузского полуоседлого населения этого бассейна с кимакско-кыпчакскими иммигрантами формируется значительное объединение племен XII—XIII вв., известное под именем канглы (вариант печенежского этнонима кангар), в рамках которого складывается этнический субстрат позднейшего каракалпакского народа (до ныне сохраняющего традиции древнего комплексного хозяйства), равно как и так называемых «золотоордынских» узбеков.

7) Выселившиеся с Сыр-дарьи огузско-печенежские группы, слиявшись с хорасанскими и тохаристанскими группами тюрков, составляют основу этногенеза туркмен и других юго-западных тюрков. Видимо, преобладающую, во всяком случае количественно, роль в движении огузов на юг сыграло племя салоров, с которым генеалогически связывают себя наиболее крупные из современных туркменских племен и которое занимает особое место в эпической традиции Азербайджана и Малой Азии (Китаб-и-Коркут).

8) Анализ истории термина кара-калпак (черные клубуки) заставляет прийти к выводу, что это половецкий (кыпчакско-кимакский) термин, первоначально применявшийся пришельцами из Прииртышья к

огузско-кыпчакским племенам Приаралья и Сыр-дарьи и определенным образом действительным типом их головных уборов, до сих пор сохранившимся у каракалпаков и туркмен. Впоследствии он применяется к соответствующим хозяйственным и бытовым традициям этих первоначальных «каракалпаков» смешанному, огузско-кыпчакскому населению Сыр-дарьи и, после распада ногайского и узбекского союзов, в состав которых входят каракалпаки, окончательно закрепляется за предками современного каракалпакского народа и становится его самоназванием.